

СОВРЕМЕННАЯ МАКРОЭКОНОМИКА И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ С МОНЕТАРИСТСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ: ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ МИЛТОНОМ ФРИДМАНОМ*

Брайан Сноудон, Ховард Вэйн**

1. ВВЕДЕНИЕ

Значительный вклад Милтона Фридмана в развитие экономического анализа в целом и макроэкономики в частности охватывает период с 1932 г., когда он окончил Рутгерсовский университет, получив диплом с отличием по математике и экономике¹. За более чем 60 лет профессор Фридман написал или выступил в качестве соавтора более 30 книг и свыше 250 статей и обзоров. Помимо многочисленных и разнообразных «научных» работ Фридман также постоянно писал статьи в газету «Newsweek»² и написал совместно со своей женой Роуз такие мировые бестселлеры, как «Капитализм и свобода» (Friedman (1962)) и «Свобода выбора» (Friedman (1980))³. В отличие от подавляющего большинства экономистов Фридман хорошо известен и за пределами академических кругов, подобно Джону Мейнарду Кейнсу. Наряду с Кейнсом, Фридман, вероятно, оказал самое большое влияние на макроэконо-

* Snowdon, B., Vane, H.R. (1997) *Modern Macroeconomics and Its Evolution from a Monetarist Perspective: An Interview with Professor Milton Friedman*, *Journal of Economic Studies*, 24, 4, 191–221.

© MCV University Press, 2002

** Брайан Сноудон – профессор Нортумбурского университета (г. Ньюкасл, Великобритания); Ховард Вэйн – профессор Университета им. Джона Мура (г. Ливерпуль, Великобритания). Авторы хотели бы выразить благодарность профессору Милтону Фридману за то время и внимание, которое он уделил им при переписке и ответах на вопросы. Взгляды, содержащиеся в тексте статьи и примечаниях, принадлежат исключительно авторам и могут не совпадать со взглядами профессора Фридмана.

¹ На решение Фридмана (как и многих других лауреатов Нобелевской премии по экономике его поколения по обе стороны Атлантики) изучать экономическую теорию значительное влияние оказали трагические экономические и политические события 1929–1932 гг., произошедшие в период его учебы в университете. Цахка приводит имена 13 лауреатов, называющих Великую депрессию в качестве «основного фактора, подвигнувшего их изучать экономическую теорию». Из них макроэкономистами являются Лоуренс Клейн, Франко Модильяни, Роберт Солоу и Джеймс Тобин (Zahka (1992)).

² За период с 1966 по 1982 гг. Фридманом было написано около 275 газетных статей (Friedman (1983)). Вероятно, наибольшей аудитории он добился в феврале 1973 г. после публикации его знаменитого интервью журналу «Playboy».

³ Обе книги были переведены более чем на десять языков. Кроме того, по книге «Свобода выбора» был снят десятисерийный телефильм, показанный во всем мире.

мическую теорию и политику по сравнению с другими экономистами послевоенного периода. В значительной степени это можно объяснить его несомненным мастерством и убедительностью аргументации, а также большим числом работ по экономической теории.

Несмотря на то что профессор Фридман ассоциируется прежде всего с монетаризмом и приверженностью точке зрения об эффективности свободных рынков в разнообразных ситуациях, его интересы гораздо шире. Его основные публикации охватывают теоретические и прикладные вопросы микроэкономики, методологию, анализ функции потребления, прикладную статистику, международную экономику, теорию и историю денег и монетарную политику, деловые циклы и инфляцию (см. Thygesen (1977); Butler (1985)). За более чем 60 лет интересы Фридмана как профессионального экономиста постепенно сместились с теории цен (и вопросов методологии) к теории денег, а также к проблемам и политике экономической стабилизации. Это очевидно из цитаты Нобелевского комитета при присуждении ему премии в 1976 г.: «За достижения в области анализа потребления, истории и теории денег и за демонстрацию сложности стабилизационной политики» (см. Lindbeck (1985)). В свою очередь, исследования Фридмана оказали влияние на новое поколение выдающихся экономистов, сделавших карьеру и заслуживших высокую репутацию за последние тридцать лет. Наиболее яркий пример – лауреат Нобелевской премии 1995 г. профессор Роберт Лукас, мл., который, с чем согласится большинство, является «ведущим макроэкономистом нашего поколения» (Parkin (1992)). Лукас получил премию за видоизменение макроэкономического анализа путем разработки и применения гипотезы рациональных ожиданий и за углубление нашего понимания экономической политики. Он открыто признает важную роль Фридмана в привлечении его внимания к экономической теории и исследованиям, называя его «великим экономистом» (Klamer (1984), 30). По словам Лукаса, Фридман был его «самым важным учителем», и он уверен в том, что прочитал все, когда-либо написанное Фридманом (см. Lucas (1994a), 221).

Особенно большое влияние на поколение экономистов, получивших образование в США в период с начала 1960-х гг., оказала публикация книги Фридмана и Шварц «Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960» (Friedman, Schwartz (1963)), которая, согласно Лукасу, сыграла важную, «возможно, решающую» роль в дискуссиях 1960-х гг. о стабилизационной политике (Lucas (1994b)). Размышляя о долговечности этой «классической» работы, Лукас отметил, что это была бы первая книга в его портфеле, если бы его когда-либо пригласили в Вашингтон «не для того, чтобы любоваться на цветущую вишню»⁴. В то время как «Монетарная история», несомненно, являет-

⁴ Стэнли Фишер характеризует влияние книги Фридмана и Шварц как «чрезвычайно важное» (Fischer (1994)), а Грегори Мэнкью и Дэвид Ромер полагают, что новую кейнсианскую экономическую теорию вполне можно именовать «новой монетаристской экономической теорией» (Mankiw, Romer (1991)). См. также интервью с Мэнкью в Snowdon, Vane (1995), где четко показывается влияние Фридмана и Лукаса на взгляды новых кейнсианцев.

ся наиболее значительной книгой Фридмана в области макроэкономики, его президентское обращение 1967 г. к Американской экономической ассоциации, опубликованное под названием «Роль монетарной политики» (Friedman (1968)), безусловно, является его наиболее значительной статьей. В 1981 г. Роберт Гордон назвал данную статью возможно самой значительной статьей по макроэкономике, написанной за последние двадцать лет. Позднее Джеймс Тобин, один из наиболее ярких, эффективных и давних критиков Фридмана, пошел еще дальше, характеризуя статью 1968 г. как «скорее всего наиболее значительную статью, *когда-либо* опубликованную в экономическом журнале» (курсив наш. – Б.С., Х.В.) (Tobin (1995)). Использование Фридманом концепции «естественной нормы» Викселя применительно к безработице было, говоря высоким слогом, «шедевром маркетинга» (см. Dixon (1995)), в то время как использование термина «рациональный» в рамках гипотезы ожиданий в 1970-е гг. положило начало новой классической экономике. Под влиянием работы профессора Фридмана кейнсианцы были вынуждены переформулировать и пересмотреть свое обоснование активной политики до того, как их теоретическая аргументация была еще более подорвана острой критикой профессора Лукаса и других ведущих новых классических экономистов⁵.

Отстаивание Милтоном Фридманом свободного функционирования рынков без неправомерного (даже если и с благими намерениями) государственного вмешательства – тема, проходящая через многие его работы. Если бы кто-либо попытался кратко сформулировать философию Фридмана, то она звучала бы следующим образом: «Рынки работают, правительство неизменно терпит неудачу». Несмотря на то что скромное происхождение из семьи бедных иммигрантов вполне могло породить в нем неодобрение эксплуататорской природы капитализма, в реальности все произошло наоборот. Сегодня Фридман является величайшим из ныне живущих сторонников свободного рыночного капитализма, системы, которая, по его мнению, обладает значительными возможностями повышения жизненных стандартов, если только государство воздержится от вмешательства в работу экономического механизма. И для сторонников, и для противников Фридмана его исследования и идеи были и остаются основным источником дискуссий в экономических и политических кругах. Но как он сам в возрасте 83 лет расценивает свой вклад в экономическую теорию в целом и макроэкономике в частности?*

8 января 1996 г. мы взяли интервью у профессора Фридмана у него дома в Сан-Франциско. Ниже представлены его соображения по некоторым важным вопросам, касающимся эволюции и нынешних дискуссий по поводу совре-

⁵ Тобин, перечитывая статью Фридмана 1968 г. (Friedman (1968)), был поражен, насколько в духе новых классиков оказалось его президентское обращение к Американской экономической ассоциации (Tobin (1995), 40–41). Гордон полагает, что функцию предложения Лукаса в действительности следует называть функцией предложения Фридмана (Gordon (1981), 505). (Функция предложения Лукаса имеет следующий вид: $y = y^* + b(\pi - \pi^c)$, где y – реальный объем производства; y^* – реальный объем производства в условиях полной занятости; π – темп инфляции; π^c – ожидаемый темп инфляции. – Прим. пер.)

* 31 июля 2002 г. Милтону Фридману исполнилось 90 лет. – Прим. пер.

менной макроэкономики. В заключении мы даем краткую оценку нынешнего статуса монетаризма в свете последних событий.

2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Что в первую очередь побудило Вас изучать экономическую теорию и стать экономистом?

Я окончил колледж в 1932 г. Будучи студентом, я одновременно специализировался в экономической теории и математике, и после окончания колледжа мне предложили две стипендии для продолжения обучения в аспирантуре. В то время не было таких щедрых стипендий, как сегодня, – стипендия предполагала, что кто-либо предложит платить за ваше обучение. Одну стипендию мне предложили для обучения математике в Брауне и другую – для обучения экономике в Чикаго. Теперь представьте себе 1932 г., когда четверть населения была охвачена безработицей. Какая проблема была самой важной и неотложной? Со всей очевидностью, это была экономика, и поэтому с моей стороны не было никаких сомнений в том, изучать экономическую теорию или нет. Когда я начинал обучение в колледже, я ничего не знал обо всех этих проблемах, поскольку рос в весьма малообеспеченной семье, где не было особого понимания происходящих вокруг событий. Я очень интересовался математикой и достиг в ней определенных успехов. Так что я посмотрел вокруг, чтобы выяснить, есть ли какой-нибудь способ заработать себе на жизнь с помощью математики. Единственный способ, который я смог найти до поступления в колледж, заключался в том, чтобы стать актуарием, и поэтому моей первоначальной целью при поступлении в колледж было стать актуарием. В первые два года моего обучения я даже сдал несколько экзаменов по теории вероятностей, но больше этим я никогда не занимался.

3. «ОБЩАЯ ТЕОРИЯ» КЕЙНСА И КЕЙНСИАНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

В то время когда Вы были студентом Рутгеровского университета, как Ваши преподаватели объясняли Великую депрессию?

Это очень интересный вопрос, поскольку долгое время я считал, что фундаментальное отличие между моим подходом к Кейнсу и подходом к Кейнсу Аббы Лернера, если взять его в качестве особого примера, обусловлено тем, чем нас учили наши профессора. Я начал обучение в аспирантуре осенью 1932 г., когда Депрессия еще не закончилась. Мои учителя, которыми были Якоб Вайнер, Фрэнк Найт и Ллойд Минтс, учили нас, что происходящее было роковой ошибкой Федеральной резервной системы, сократившей предложение денег. Это не было природным катаклизмом или чем-то неизбежным, или чем-то, чему следовало позволить идти своим ходом. Существовали меры, которые необходимо было предпринять. Якоб Вайнер, от которого в аспиранту-

ре я услышал первый курс по чистой экономической теории, выступил в Миннесоте с речью, в которой он вполне определенно призвал к проведению Федеральной резервной системой и правительством экспансионистской политики. Поэтому кейнсианская революция не явилась внезапным озарением, указывающим на то, что можно сделать в определенной ситуации и чего, казалось бы, никто больше не знал.

Можете ли Вы вспомнить, когда Вы впервые прочитали «Общую теорию» (Keynes (1936)) и каковы были Ваши впечатления от этой книги?

На самом деле я не могу ответить на этот вопрос: я не помню. Может быть, я смогу вам сказать, если загляну в мой первый экземпляр «Общей теории», поскольку иногда я имел привычку отмечать на книгах дату, когда я их купил, и сколько я за них заплатил. Да, здесь есть. Я купил ее в 1938 г. и заплатил за нее 1.8 доллара (*смех*). Вероятно, тогда я ее впервые и прочитал, но я не помню мои впечатления, это было очень, очень давно. Но я все же помню, что в начале 1940-х гг. я написал рецензию на эту книгу, в которой подверг содержащийся в ней кейнсианский анализ серьезной критике.

Как Вы считаете, почему кейнсианская «Общая теория» в течение столь короткого периода времени – около десяти лет с момента публикации в 1936 г. – овладела умами такого большого числа профессиональных экономистов-теоретиков?

Я не думаю, что вообще существует какая-либо проблема в объяснении этого факта. Если взять экономическое образование в целом, то описанное мной преподавание экономической науки в Чикаго было очень большим исключением. Основная часть того, что преподавалось, почти полностью соответствовала взглядам Мизеса-Хайека. Если взять Лондонскую школу экономики, то контраст с Аббей Лернером был наиболее очевиден, поскольку его, как и большинство людей, изучавших экономическую теорию, учили, что Депрессия была необходимым лекарством, которое экономика должна была принять для излечения ото всех болезней, вызванных предшествующей экспансией. Это до ужаса мрачный подход. Затем совершенно неожиданно появляется эта привлекательная доктрина из Кембриджа, кейнсианская «Общая теория», предложенная человеком, уже добившимся большой известности, в первую очередь благодаря своей книге «Экономические последствия версальского мирного договора» (Keynes (1919)). Он говорит: послушайте, мы знаем, как решить эти проблемы, и существующий способ очень прост. Располагая гипотезой, которая говорит вам, почему возникла эта проблема, вы непременно ухватитесь за нее, учитывая, что единственной существовавшей альтернативой была мрачная точка зрения австрийцев (*смех*).

Насколько важное значение для распространения кейнсианской экономической теории имели учебник вводного курса Пола Самуэльсона (Samuelson

(1948)) и учебник промежуточного уровня Элвина Хансена (Hansen (1953))?

Они имели очень важное значение. Я думаю, что Хансен действительно имел большое влияние в Соединенных Штатах (не могу сказать обо всем остальном мире) отчасти вследствие того, что его взгляды подверглись резкому изменению. Если вы посмотрите его раннюю работу, вышедшую до появления работы Кейнса, то она полностью соответствовала линии Мизеса-Хайека. Хансен свято верил в то, что Депрессия была необходимым лекарством, но затем он внезапно прозрел и стал убежденным представителем кейнсианства. К этому времени он уже работал в Гарварде, тогда как своих прежних взглядов он придерживался, работая в Миннеаполисе. Хансен был очень хорошим учителем и прекрасным человеком. Он имел очень большое влияние, я в этом нисколько не сомневаюсь. Влияние Самуэльсона проявилось несколько позднее. Если не ошибаюсь, Хансен изменил свои взгляды к 1938 или 1939 г., тогда как учебник вводного курса Самуэльсона появился только после войны, так что он оказал свое влияние намного позднее. Хансен имел очень большой авторитет благодаря влиятельности в Гарварде. Там имелась хорошая группа экономистов, принятых на работу во время войны, которые играли значительную роль в Федеральной резервной системе, Министерстве финансов и в Вашингтоне. Поэтому я думаю, что Хансен имел очень большое влияние⁶.

Выдающийся теоретик реального делового цикла Чарльз Плоссер утверждал, что в отсутствие модели IS-LM Джона Хикса кейнсианская «Общая теория» была бы гораздо менее значимой (Plosser (1994)). Согласны ли Вы с такой точкой зрения?

Я полагаю, что есть все основания так утверждать, поскольку впоследствии Самуэльсон построил свою крестообразную диаграмму, полностью опираясь на модель IS-LM Хикса. Я думаю, что это точное замечание.

Если бы Кейнс дожился до присуждения ему Нобелевской премии по экономике, как Вы считаете, какой была бы формулировка Нобелевского комитета?

Это зависит от того, когда он был бы награжден. Если бы он был награжден в начале 1969 г., то формулировка, несомненно, звучала следующим образом:

⁶ О том, как кейнсианство через Гарвардский университет пришло в США см. Sweezy (1972); Currie (1972); Salant (1988); Samuelson (1988) и Colander, Landreth (1996). Утверждение Фридмана о том, что ранняя работа Хансена «полностью соответствовала линии Мизеса-Хайека», является, по меньшей мере, спорным. И Марк Блауг, и Дэвид Лэйдлер (в своих комментариях и переписке с авторами настоящей работы) отвергают все предположения насчет того, что на Хансена какое-либо значительное влияние оказали взгляды на Депрессию представителей австрийской школы политэкономии. Обсуждение вклада Элвина Хансена в развитие монетаристской мысли в США см. также в Mehrling (forthcoming).

«Человеку, который показал нам, как выйти из Депрессии и как проводить политику, ведущую к достаточно полной и стабильной занятости». Но если бы премия была дана, скажем, в 1989 г., я думаю, что формулировка звучала бы по-иному. Было бы сказано: «Экономисту, чья непрерывная работа, начиная с «Трактата о вероятности» (Keynes (1921)) и далее по порядку, значительно повлияла на направление развития экономической науки». Но вы знаете, что все это лишь предположения; кто знает, какова могла бы быть формулировка (*смех*). Позвольте мне прояснить мою позицию по отношению к Кейнсу. Я считаю, что он был великим экономистом, одним из великих экономистов нашего времени, и что «Общая теория» является значительным интеллектуальным достижением. Мы имели явление, которое нуждалось в объяснении. Как может существовать массовая безработица в экономике со столь широкими производственными возможностями? Это было явление, нуждавшееся в объяснении, и он дал такое объяснение, которое, с моей точки зрения, было правильным. Все что нам нужно – это иметь в своем распоряжении очень простую теорию, позволяющую понять суть явления. Ни одна теория не будет иметь успеха, если она является слишком сложной и трудной, поскольку большинством явлений управляет всего несколько основных сил. То, что делает хорошая теория, – это упрощение; она выделяет основные силы и исключает остальные. Так что кейнсианская «Общая теория» была теорией правильного типа. В целом наука продвигается вперед главным образом посредством неудачных экспериментов, которые подготавливают почву для дальнейших исследований. Я рассматриваю «Общую теорию» как неудачный эксперимент. Она была теорией правильного типа, имела содержание, поскольку позволяла делать прогнозы; но после того как эти прогнозы были сделаны, они не подтвердились на практике, и поэтому я рассматриваю эту теорию как неудачный эксперимент.

Как Вы думаете, в чем состоит основной вклад новой кейнсианской литературы в развитие макроэкономики?

Я не собираюсь комментировать этот вклад, поскольку в действительности я не следил за данной литературой достаточно внимательно. С момента публикации нашей книги «Монетарные тренды» (Friedman, Schwartz (1982)) и в особенности моей книги «Вред денег» (Friedman (1992)) я практически не занимался подобными вопросами. В последние три или четыре года я скорее работал совместно с моей женой над нашими мемуарами.

4. МОНЕТАРИЗМ

Считаете ли Вы свою новую формулировку (Friedman (1956)) количественной теории денег дальнейшим развитием кейнсианской теории предпочтения ликвидности?

Ни в коем случае. Я считал ее, как я тогда говорил, продолжением общей теории денег, которую мне преподавали в бытность студентом до появления тео-

рии Кейнса. Одна из ее частей согласуется с анализом предпочтения ликвидности. Но если вы спрашиваете меня, было ли в то время это моей целью или понимал ли я это, то я вынужден сказать «нет»⁷.

Тогда считаете ли Вы свою новую формулировку явным расхождением с кейнсианским анализом?

Нет. Я вообще не рассматривал ее таким образом. Я просто пытался сделать то, что в моем понимании было новой формулировкой количественной теории денег. Помните, Кейнс был сторонником количественной теории денег. Посмотрите, например, его книгу «Денежная реформа» (Keynes (1923)), которую я считаю одной из его лучших работ, во многом недооцененной и намного более полезной книгой, чем «Общая теория». В отличие от «Общей теории» она не представляла собой попытку создания новой теории. В ней представлено применение существующей теории для объяснения ряда интересных явлений, в том числе послевоенной инфляции. Это очень хорошая часть работы, которая имеет непосредственное отношение к количественной теории денег, и я был сторонником этой теории. Так что если вы спросите, чем отличалась кейнсианская теория предпочтения ликвидности от количественной теории, которую он использовал в своей книге «Денежная реформа» (Keynes (1923)), то она отличалась только идеей о наличии ловушки ликвидности. Это было единственным существенным различием в идеях. В моей формулировке нет ловушки ликвидности; ее возникновение возможно, но это не является предметом анализа.

Несмотря на то что вплоть до начала 1970-х гг. убежденность в стабильности функции спроса на деньги хорошо подтверждалась эмпирическими данными, впоследствии в ряде исследований были обнаружены свидетельства очевидной нестабильности. Подрывает ли это аргументацию в пользу правила постоянного роста денежной массы?

И да, и нет. Если имеется стабильная функция спроса на деньги, это не означает, что можно говорить, что она никогда не изменится и что на нее никогда ничто не повлияет. Давайте рассмотрим пример Соединенных Штатов, который я знаю лучше всего. Если взять период после Второй мировой войны, скажем 1980 г., вы получите очень стабильную функцию спроса на деньги. При этом не имеет никакого значения, используете ли вы денежную базу, M1, M2 или M3: вы получите по сути одинаковый результат. В начале 1980-х гг. в монетарной системе произошел ряд структурных изменений, в частности ка-

⁷ Эту точку зрения не разделяет Патинкин, который утверждает, что новую формулировку количественной теории денег Фридмана следует трактовать как «простое изложение современного портфельного подхода к спросу на деньги, который... только и можно рассматривать как продолжение кейнсианской теории предпочтения ликвидности» (Patinkin (1969)).

сающихся выплаты процентов по депозитам до востребования, которые привели к изменению функции спроса на деньги, особенно в отношении денежной базы и агрегата М1. В последующий период продолжительностью около пяти лет было очень трудно узнать, что происходит с функцией спроса на деньги по причине этих структурных изменений. Затем, начиная приблизительно с 1985 г., подверглась пересмотру прежняя функция спроса на деньги М2, чего не было сделано в отношении М1 и денежной базы, которые были очень нестабильными. Если вы построите диаграмму, как это сделал я, сопоставив темп изменения этих различных денежных агрегатов (год к году) с изменением темпов инфляции спустя два года (год к году), то вплоть до 1980 г. различия между агрегатами не имеют значения. После 1980 г. М1 и денежная база ведут себя полностью непредсказуемо. С другой стороны, взаимосвязь с денежным агрегатом М2 остается практически такой же значительной. Так что здесь существует реальная проблема, поскольку если, как и многие другие люди (но не я), вы рассматриваете М1 в качестве основного денежного агрегата, то было бы ошибкой поддерживать темп его роста на стабильном уровне. Но если бы вы поддерживали устойчивый темп роста денежного агрегата М2, то все было бы в порядке⁸.

Как Вы относитесь к утверждению Роберта Лукаса (Lucas (1994b)), что 1970-е гг. были временем успеха работы Фридмана и Шварц «Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960» (Friedman, Schwartz (1963)), тогда как 1980-е гг. следует рассматривать как время постепенного падения ее популярности? Произошло ли это под влиянием теоретиков реального делового цикла?

Я не уверен, как следует отвечать на этот вопрос. В действительности я никогда не смотрел на историю данной работы с точки зрения ее успеха или неудачи (смех). На 30-ю годовщину со дня ее выхода в свет было написано всего три отзыва⁹. Должен сказать, что отзыв, который мне нравится больше всего, это отзыв Джеффри Майрона, поскольку он акцентировал внимание на том, что, по моему мнению, действительно имеет важное значение и относится не только к теории денег, но и к экономической науке в целом, – необходимость проверки теорий на историческом и эмпирическом материале. Мне кажется,

⁸ Модильяни утверждает, что причиной «череды отступлений от монетаризма», включая «таких прежде твердых приверженцев, как Алан Мелтцер, Беннет МакКаллум, Уильям Пул и Томас Мэйер», явилась нестабильность скорости обращения денег в начале 1980-х гг. (Modigliani (1988)). Несмотря на это, Томас Мэйер считает себя «умеренным монетаристом» и не согласен, например, с тем, что монетаристы «продемонстрировали преимущество правил над свободой действий в экономической сфере» (Mayer (1990)). Рассмотрение более известных объяснений и последствий загадочного сокращения скорости обращения денежного агрегата М1 в течение 1980-х гг. см. в Stone, Thornton (1987).

⁹ См. Lucas (1994b); Miron (1994) и Smith (1994). Великолепное исследование и обсуждение научной методологии Фридмана и его дебатов с критиками насчет причинно-следственной роли денег в деловом цикле см. в Hammond (1996).

что во многих отношениях «Монетарная история» имела методологическое значение. Я не склонен считать, что она не имела в целом существенного значения, но настаиваю на присутствии методологического значения, и Майрон, насколько я помню, особо выделил его в своем отзыве. А теперь вернемся к вашему вопросу. Существует проблема отделения науки от политики. 1980-е гг. были эпохой Рейгана. Меня знали как близкого советника Рейгана. Академическое сообщество практически полностью выступало против политики Рейгана, хотя это, вероятно, было менее справедливо для экономики, чем для какой-либо другой академической дисциплины, которую вы можете назвать. Я говорю здесь об общественных и гуманитарных науках, а не о естественных. Я могу быть абсолютно неправ в этом отношении, я на это надеюсь, но я полагаю, что тот факт, что я был связан с администрацией Рейгана, определенным образом повлиял на желание части экономистов дистанцироваться от моих работ. Есть и еще кое-что, о чем следует сказать. В любой науке, будь то экономика, математика или что-нибудь еще, главное – это не повторять прошлое, а двигаться вперед к новым идеям. Любая наука каждые десять или двадцать лет должна иметь новый «пунктик», или же она умрет. Я полагаю, что акцент на теории реального делового цикла на некоторое время обеспечил новый «пунктик», который оказал значительное влияние на труды экономистов.

Согласны ли Вы с тем, что наиболее значительной Вашей работой, по-видимому, является статья «Роль монетарной политики» (Friedman (1968))?

Я не сомневаюсь в том, что эта статья имела серьезное значение. Но когда вы говорите о сравнениях, то мне трудно сделать выбор между этой статьей и «Методологией позитивной экономической науки», которая имела такое же большое значение в другом направлении, не по содержанию, а по методологии.

Как Вы считаете, насколько возросло значение Вашей работы 1968 г. (Friedman (1968)) благодаря тому, что в ней были предсказаны события 1970-х гг., и в частности ускорение инфляции?

Я думаю, что здесь не может быть каких-либо сомнений. Работа явилась основной причиной изменения позиции экономистов. Как я уже сказал, правильный тип теории – это такая теория, на основе которой можно делать прогнозы, подлежащие опровержению. На основе кейнсианской теории был сделан прогноз, который можно было опровергнуть, и он был опровергнут. На основе теории, которую разработал я, также были сделаны прогнозы; в данном случае было предсказано, что мы столкнемся с ускорением инфляции, и этот прогноз не был опровергнут.

Одновременно с Вашим президентским обращением к Американской экономической ассоциации, Эдмунд Фелпс в своей статье в журнале «Econometrica» (Phelps

(1967)) также отрицал существование выбора между инфляцией и безработицей в долгосрочной перспективе. Существуют ли сколько-нибудь значимые различия между Вашим анализом кривой Филлипса и аналогичным анализом Эдмунда Фелпса?

Существуют значительное сходство и множество совпадений. Основное различие состоит в том, что я рассматривал кривую с точки зрения теории денег, в то время как Эдмунд Фелпс – с точки зрения рынка труда. Но теории одинаковые, утверждения совпадают и там нет никаких различий.

Существуют ли сколько-нибудь значимые различия между Вашим определением естественной нормы безработицы и кейнсианским определением полной занятости?

Откровенно говоря, они идентичны. Его определение полной занятости – это просто ситуация, в которой нет неудовлетворенных работников, в которой все, кто желает работать за существующую заработную плату, имеют работу. Я думаю, что процитировал его слова более или менее правильно. Мое определение естественной нормы безработицы состоит в том, что это норма, при которой спрос и предложение равны, так что нет избыточного предложения или спроса, и все ожидания людей оправдались. Я считаю, что оба эти определения связаны с определением естественной процентной ставки Викселля. Я не думаю, что между ними существует большое различие¹⁰.

В своей работе 1968 г. Вы акцентировали внимание на значении включения в кривую Филлипса инфляционных ожиданий (Friedman (1968)). С тех пор адаптивные ожидания вышли из моды вслед за тем, что может быть охарактеризовано как революция рациональных ожиданий. Какую из гипотез Вы предпочитаете в качестве способа моделирования того, каким образом формируются такие ожидания у экономических агентов?

Я не знаю, как ответить на этот вопрос. Теоретический принцип всегда оставался прежним: важно, что ожидания существуют и что они играют очень серьезную роль. Это старая идея, в ней нет ничего нового. Я уверен, что вы можете найти ее у Маршалла. Я знаю, что вы можете найти ее у Шумпетера. Фактически, вы можете найти ее везде. Теория адаптивных ожиданий была одним из способов сделать возможным эмпирическое наблюдение, и во многих случаях этот способ, по-видимому, работал. Наиболее ярким примером

¹⁰ См. статью Диксона, который делает вывод о том, что фридмановское определение естественного уровня безработицы является «в целом производным» от концепции полной занятости Патинкина, разработанной им в работе «Деньги, процентная ставка и цены» (Patinkin (1956)) (Dixon (1995)). Кейнсианское определение полной занятости можно найти на страницах 15–16 и 26–28 его книги «Общая теория занятости, процента и денег» (Keynes (1936)).

было исследование гиперинфляции в Германии и других европейских странах Филлипа Кейгана (Cagan (1956)), где теория адаптивных ожиданий работала вплоть до точки, в которой возникает необходимость проведения реформы. Затем она не работала вообще. Лучшими исследованиями в рамках этого подхода были более поздние работы Тома Сарджента об эффекте де-нежных реформ (Sargent (1982)).

Рациональные ожидания Боба Лукаса в определенной степени очевидны и хорошо известны. В прошлом каждый знал, что рациональный человек не будет основывать свои ожидания на ранее происходивших событиях, если они были связаны с более или менее крупными изменениями государственной политики, он также будет принимать во внимание свои знания о них. Научный вклад Лукаса отчасти заключался в том, чтобы дать этому понятию название, и я не думаю, что вы стали бы недооценивать значение того, чтобы называть вещи своими именами. Как вы знаете, никто не в состоянии одновременно держать в голове всю возможную информацию, и как когда-то говорил Маршалл, вы тоже не можете этого сделать. Необходимы различные способы упрощения и выяснения того, как события связаны между собой. Реальный вклад Боба Лукаса состоял в том, что он показал, как можно формализовать и практически выполнить исследования, которые позволили бы получить эмпирический аналог гипотетических и неподдающихся измерению рациональных ожиданий. Это был его реальный вклад.

Я всегда испытывал большие затруднения с базовой точкой зрения, что в некотором смысле всегда можно сказать, оправданы ожидания или нет. Позвольте мне пояснить, что я имею в виду. В настоящее время абсолютно рационально предполагать, что в определенный момент в последующие 20 лет будет иметь место высокая инфляция. Имеется множество примеров высокой инфляции. Предположим, я ожидаю, что вероятность высокой инфляции составляет 10%, а ее не происходит. Таким образом, я оказался в лучшем положении, чем если бы высокая инфляция имела место, а я покупал реальные, а не номинальные, активы с целью защиты моего имущества. Если высокой инфляции не происходит, то в чем я был неправ? Всегда существовала определенная вероятность. В любом случае вероятность возникновения определенного события после того, как оно произошло, всегда равна единице. Как я могу судить, были ли чьи-либо так называемые рациональные ожидания правильными? Вы можете сказать, что необходимо иметь распределение вероятности определенного события. Должен ли я взять период в 1000 лет, 100 лет, 50 лет? Какова правильная основа? Более того, в каждом определении рациональных ожиданий признается, что заранее вам известно только распределение вероятности, а не единственная точка. И это порождает вопрос, существует ли объективная вероятность? Единственное определение вероятности, которое для меня может иметь смысл, это субъективная вероятность в духе Саважа и др. Сюда же можно отнести кейнсианскую степень доверия. Фактически я полагаю, что вклад Кейнса в его книге «Трактат о вероятности» был недооценен и проигнорирован. Все нынешнее байесовское направление в статистике, которое оказало значительное влияние на статистические методы, основано на

идее о субъективной вероятности, степени доверия. Оно основано на идее того же рода, что была выдвинута Кейнсом в его книге «Трактат о вероятности» (Keynes (1921)).

Должны ли мы беспокоиться по поводу умеренных темпов инфляции, когда факты убеждают в том, что они не оказывают сильного влияния на реальные переменные?

Нет, мы не должны беспокоиться по поводу умеренной инфляции, за исключением того случая, когда она служит источником более высокой инфляции, а это редкое исключение (*смех*). Мои краткие выводы об этом факте (в действительности я не могу претендовать на авторитетное мнение, поскольку я не проводил исследований в этой области последние несколько лет) состоят в том, что существует краткосрочная связь между непредвиденной инфляцией и безработицей. Но между ними нет никакой связи в долгосрочном периоде, и даже в краткосрочном периоде эта связь является очень слабой. Основным пример, который я привожу относительно долгосрочной связи, это Соединенные Штаты в период 1879–1896 гг. и 1896–1913 гг. В 1879–1896 гг. цены падали примерно на 3% в год, не постоянно конечно, но в среднем, а за период 1896–1913 гг. они росли примерно на 3% в год. Тем не менее, темпы роста реального ВВП за эти два периода являются практически одинаковыми.

Со временем монетаризм зачастую стал ассоциироваться с консервативной политикой. Неизбежна ли эта предполагаемая связь?

Эта предполагаемая связь не является неизбежной. Карл Маркс был сторонником количественной теории денег. Банк Китая (коммунистического Китая) придерживается монетаристской точки зрения. Более того, я сам не являюсь консерватором. Я либерал в классическом смысле этого слова или, используя терминологию, ставшую общепринятой в Соединенных Штатах, по философским убеждениям являюсь либертарианцем. В любом случае правильно интерпретируемый монетаризм – это объективный набор утверждений о взаимосвязи между денежными величинами и другими экономическими переменными. Консерваторы, радикалы, коммунисты, социалисты – любые правящие группы могут достичь своих целей лишь в том случае, если они смогут предсказать, каковы будут последствия их действий. Подходящий комплекс монетаристских предложений необходим властям, принадлежащим к любому лагерю¹¹.

¹¹ Увлекательный полемический анализ насаждения в Чили экономических идей в духе чикагской школы см. в Valdes (1995). Вопросы, связанные с инфляцией и контролем за предложением денег, находились также в центре внимания при обсуждении проблемы достижения макроэкономической стабильности в странах с переходной экономикой бывшего восточного блока (см. Fischer, Frenkel (1992)).

5. НОВАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ МАКРОЭКОНОМИКА

Можно утверждать, что одной из наиболее сложных вещей в экономической науке является формирование новых представлений. Является ли это важнейшей чертой научного влияния Лукаса?

Нет, поскольку я полагаю, что это представление в определенной мере существовало и прежде. Каждый знал, что ему следует быть дальновидным. То, что действительно сделал Лукас, это разработал метод, посредством которого это представление можно задействовать. Когда-то я собирал некоторые высказывания об ожиданиях. Одним довольно хорошим определением рациональных ожиданий, с точки зрения нового представления, было определение Шумпетера, но оно не было задействовано. Я полагаю, что большим вкладом Лукаса было то, что он сделал его действующим. Каждый понимал, что в основе поведения людей лежат ожидания относительно будущего, и вопрос состоит в том, как подходить к этой проблеме? Разумеется, реальное начало теории рациональных ожиданий было дано в статье Джона Мута, опубликованной в журнале «Econometrica» (Muth (1961))¹².

Почему, на Ваш взгляд, новая классическая макроэкономика оказалась настолько привлекательной для младшего поколения экономистов в Соединенных Штатах?

Утверждение о неэффективности политики было до некоторого времени очень популярным, однако оно является еще одной теорией, которая верна, но противоречит своим собственным прогнозам. В начале 1980-х гг. никто не мог предположить, что утверждение о неэффективности политики является верным прогнозом того, что произойдет в краткосрочном периоде. В действительности рецессия 1980–1982 гг. полностью ему противоречила¹³. На самом деле я не знаю, насколько популярным был этот подход. Он был популярен в рамках небольшой группы. Вся прелесть этого состоит в том, что он возвращает нас к чисто теоретическому анализу. Он не замутнен никакими сложностями, трудностями, трением, чем-либо еще (*смех*). Он достаточно логичен как теоретический вопрос, если люди верно предсказывают будущее, но ситуация будет абсолютно иной, если их прогнозы неверны.

Кевин Гуввер провел методологическое различие между Вашей работой как маршаллианской и работой Роберта Лукаса как вальрасовской (Hoover (1984)). Является ли это разделение обоснованным?

¹² Койценкамп полагает, что предшественником Мута является Ян Тинберген, поскольку он предложил модель рациональных ожиданий почти на 30 лет раньше (Keuzenkamp (1991)).

¹³ Здесь взгляды кейнсианцев и монетаристов совпадают (см. Blinder (1987), 82; Krugman (1994), 201; Laidler (1986), 39).

Оно вполне обосновано. В целом я полагаю, что, по всей вероятности, оно правильно. Я всегда проводил различие между подходами Маршалла и Вальраса. Лично я всегда был приверженцем Маршалла. Это не означает, что подход Вальраса бесполезен или неадекватен. Я полагаю, что различаются характер и позиции людей. Я отдаю должное всему тому, что вызывает у меня восхищение Маршаллом как экономистом, но как человек он имел реальные недостатки. Он недостойно обращался со своей женой. Мы узнали об этом еще в 1950-х гг., когда провели год в Кембридже в 1952–1953 гг. Мы провели много времени в библиотеке Маршалла и прочитали довольно много документов. Оказалось, что Мэри Пали, его жена, была очень способной умной женщиной. Я не хочу вдаваться в подробности этой истории; это займет слишком много времени¹⁴.

Насколько важным оказался аргумент Кидланда/Прескотта о временной непоследовательности в дебатах вокруг правил и свободы действий при проведении экономической политики?

Он имел очень большое значение в дебатах и это очень точная и полностью справедливая точка зрения¹⁵.

После «кончины» версии новой классической макроэкономики начала 1980-х гг., акцентировавшей внимание на неожиданных изменениях денежной массы, новый классический подход был возрожден теорией реального делового цикла. Было ли это, по Вашему мнению, плодотворным направлением исследований?

Отвечая на этот вопрос, я испытываю некоторые сомнения, поскольку я не следил за этой литературой или не исследовал ее настолько, чтобы дать взвешенный ответ. В действительности я не верю, что деловой цикл существует, эта концепция вводит в заблуждение. Понятие делового цикла – это нечто вроде регулярно повторяющегося явления, обусловленного внутренними движущими силами системы. Я не верю, что существует деловой цикл в этом смысле. Я полагаю, что существует система, которая имеет некоторые механизмы реагирования, и что эта система время от времени подвергается воздействию внешних случайных сил (в некоторых случаях – мощных, в некоторых – слабых), и она приспособливается к этим силам. Процесс адаптации имеет некоторые закономерности, которые определенным образом восходят к базовой идее Слуцкого об аккумуляции случайных сил. Некоторые из этих сил, несомненно, реальны, и поскольку сторонники теории реального делового цикла акцентируют внимание на том, что нарушения равновесия происходят из-

¹⁴ Исчерпывающее описание жизни и работы Альфреда Маршалла см. в Groenewegen (1995).

¹⁵ В более ранней переписке с профессором Милтоном Фридманом он заметил, что на практическом уровне утверждение о временной неустойчивости «немного добавило к аргументации в пользу правил по сравнению со свободой действий», которая «всегда была очень сильной» (Friedman (1994)).

вне, то все это к лучшему. С другой стороны, механизм, реагирующий на реальные нарушения, является преимущественно денежным, и, недооценивая роль денег в этом процессе, так называемая теория реального делового цикла не принесла существенной пользы¹⁶. Возможно, вы знакомы с моей небольшой статьей в журнале «Economic Inquiry» о том, что я называю «моделью колебания резинки» (Friedman (1993)). Она была написана много лет назад в рамках ежегодного отчета Национального бюро экономических исследований и имеется в собрании работ, содержащихся в книге «Оптимальное количество денег» (Friedman (1969)), хотя я несколько изменил ее для журнальной версии. Цитирую: «Представьте себе резинку, туго натянутую между двумя точками, расположенными на жесткой горизонтальной доске и слегка к ней прикрепленными. Дерните за резинку в нескольких местах, выбранных более или менее случайно, с разной силой, а затем удержите ее в самом низком положении. Результатом будет ряд видимых колебаний, амплитуда которых зависит от силы, с которой вы ее дергали» и т. д. Лично я считаю эту модель намного более полезной, чем модель самопроизвольного цикла.

С ростом популярности моделей реального делового цикла в 1980-х гг. многие представители новой классической макроэкономики для проверки результатов работы своих моделей обратились к методу калибровки, а не к традиционным эконометрическим методам. Как Вы оцениваете метод калибровки?

Я полагаю, что это уход от сути проблемы. Недостаточно показать, что в модели в точности воспроизведены характеристики временных рядов. Если модель имеет какое-либо значение, то она должна давать прогнозы событий, которые можно наблюдать и опровергать¹⁷. Можно подобрать любой набор данных, полностью соответствующих регрессии, построенной на основе метода наименьших квадратов, если в ней есть достаточное количество переменных.

6. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Ранее Вы сказали, что Ваша работа «Методология позитивной экономической науки» (Friedman (1953a)) является одной из наиболее значимых Ваших работ. Ожидали ли Вы, что впоследствии эта статья вызовет столько возражений?

Нет.

Интересует ли Вас по-прежнему философия науки и формальная методология?

¹⁶ Лукас также критически относился к особому акценту в исходной модели Кидланда/Прескотта на реальных факторах в противоположность денежным (Lucas (1987), 33).

¹⁷ Критическую оценку методологии калибровки см. в работе Гувера, который приходит к выводу о том, что ей «до сих пор не хватает такой строгости, какую предполагают эконометрические методы» (Hoover (1995)).

Эта область интересовала меня некоторое время, но после того, как я написал эту работу, я решил, что лучше я буду сам заниматься экономикой, чем учить людей тому, как проводить экономические исследования. Я обнаружил, что мои взгляды очень схожи со взглядами Карла Поппера, и я немного следил за его работами, но не вполне серьезно¹⁸. Одной из основных причин того, почему эта статья вызвала так много возражений, является то, что я заранее для себя решил, что не буду реагировать на нападки (*смех*). Я серьезно. Если вы хотите вызвать споры вокруг одной из ваших статей, напишите что-либо, что будет подвергнуто нападкам, и затем не отвечайте на них, тем самым давая возможность нападающим упиваться своей «победой».

Как Вы думаете, почему среди экономистов существует меньше разногласий по микроэкономическим вопросам, чем по макроэкономическим?

Главным образом потому, что в области микроэкономики не было ничего сопоставимого с кейнсианской революцией в макроэкономике. Некоторое время казалось, что такую роль в микроэкономике сыграет теория несовершенной конкуренции Чемберлина и Робинсон, но на практике она легко вписалась в традиционную классическую микроэкономическую теорию, как она представлена в «Принципах» Маршалла. Вторая причина, а на самом деле единственная причина, которая привела к кейнсианской революции, состояла в том, что проблемы занятости/безработицы и деловых циклов стали важнейшими политическими проблемами.

Как Вы думаете, насколько важно, чтобы макроэкономические модели базировались на микроэкономической теории выбора?

Для макроэкономических моделей менее важно базироваться на микроэкономической теории выбора, чем иметь эмпирическое приложение, которое может быть опровергнуто. Микроэкономические положения теории выбора могут предоставить гипотезу для совершенствования макроэкономических моделей, но ключевые макроэкономические модели существовали длительное время и имели большой успех без недавно сделанного акцента на микроэкономических основаниях теории выбора.

Считаете ли Вы, что попытки понять причины жесткости заработной платы и цен являются плодотворным направлением исследований?

Я думаю, что нельзя указывать людям, какое направление исследований является плодотворным. Плодотворным направлением исследований явля-

¹⁸ Уважение Фридмана к Карлу Попперу разделяет и Марк Блауг, который в своей последней статье «Автобиографические размышления» признает свое восхищение фридмановским «стилем проведения экономических исследований», в то же время «высказывая полное неприятие» его политических взглядов (Blaug (1994)).

ется все. Я очень хорошо помню, что когда я консультировал докторантов насчет их диссертаций, они приходили и говорили, что по их теме практически все уже сделано. Нет такой темы, по которой больше ничего нельзя сделать, опираясь на то, что было сделано прежде. Я нисколько не сомневаюсь в том, что жесткость заработной платы имеет место, поскольку очевидно, что это правда жизни и это трудно отрицать. Вопрос же заключается в том, имеет ли она значение, почему она имеет значение и в каких случаях. Как я говорил ранее, суть успешной теории состоит в том, что она извлекает ключевые элементы из всего множества сопутствующих обстоятельств. Так что мне не хотелось бы у кого-либо отбивать охоту к исследованиям в определенной области. Более того, мне не хотелось бы отбивать у кого-либо охоту к исследованиям в любой области. То, что люди должны делать – это делать то, что им интересно, следуя своей собственной интуиции и своим собственным идеям.

Роберт Лукас (Lucas (1994a)) утверждал, что «профессиональные экономисты – прежде всего ученые..., несущие ответственность за то, чтобы продуцировать новые знания путем проникновения исследований на новую и потому неизбежно противоречивую территорию». Каковы, на Ваш взгляд, возможные направления развития макроэкономических исследований?

Экономисты – это ученые, но они находятся под влиянием событий, происходящих в окружающем мире. Несомненно, что большой интерес к деловым циклам отчасти явился следствием Великой депрессии. В современном мире мы имеем еще более поразительное явление: с одной стороны – это всемирная технологическая революция, а с другой – политическая революция, развал Советского Союза и независимость бывших республик. Обе революции имели общий результат – то, что называется глобализацией экономики (термин, который я ненавижу). Обе они привели к ситуации, когда производитель может выпускать продукцию в любой точке мира, продавать ее по всему миру, использовать ресурсы, расположенные по всему миру, и располагаться самому в любой точке мира. Так что больше не имеет смысла говорить об отечественной экономике. Сделан ли автомобиль в Америке, когда комплектующие поступают частично из Японии, а частично – из другой страны? Так было всегда, но в настоящее время этот феномен приобрел значительно более серьезное значение. Кроме того, существуют проблемы, связанные с так называемыми развивающимися или отсталыми странами, которые сейчас впервые включаются в общий поток. Эти явления имеют огромное значение и нуждаются в обсуждении и анализе. Соответственно, экономисты должны двигаться в направлении поиска объяснения и путей решения этих проблем. Я не сомневаюсь в том, что в ближайшие годы исследования будут сосредоточены именно на этом.

В своей статье, опубликованной в «Economic Journal» (Friedman (1991)), Вы привлекли внимание к основным усовершенствованиям инструментария ана-

лиза, но, как показалось, предположили, что качество многих экономических исследований снизилось. Можете ли Вы конкретизировать это утверждение?

Я не верю, что я это говорил. Что я мог сказать, так это то, что экономическая наука все в большей степени становится скрытым ответвлением математики, а не занимается реальными экономическими проблемами¹⁹. Нет сомнений, что это действительно произошло. Я полагаю, что экономическая наука зашла слишком далеко в этом направлении, но это можно исправить. Возьмем «Economic Journal». В него включили раздел о текущих дискуссиях, чего не было раньше. Безусловно, всем стало намного труднее следить за литературой, за исключением своей собственной специальной области, и я полагаю, что это очень плохо для развития экономической науки. В этом смысле, верно все, что вы сказали об ухудшении качества экономических исследований. Но инструментарий анализа как техническая, теоретическая структура за истекший период был определенно усовершенствован.

Как Вы думаете, почему после Второй мировой войны лидерство в макроэкономических исследованиях перешло от Великобритании к Соединенным Штатам?

Ответ прост. Если вы слишком большой ортодокс, вы не займете никакого лидирующего положения. Что произошло? В 1930-е гг. Британия, вне всяких сомнений, занимала лидирующее положение. Но затем она превратилась в монолитную глыбу ортодоксальных взглядов, которая не могла послужить плодотворной средой для сохранения лидерства. Конечно, это сложный вопрос, поскольку все это связано в целом с изменением роли Великобритании в мире после окончания Второй мировой войны. Первая мировая война значительно ослабила влияние Великобритании как мирового лидера, а после Второй мировой войны этот процесс продолжился. Но в действительности, по моему мнению, суть проблемы заключалась в том, что лидерство английского Кембриджа в экономической науке обернулось стойкой ортодоксальностью, которая является плохой основой для революционной или новаторской работы²⁰.

¹⁹ Томас Мэйер в своей недавней критике современной экономической науки с ее акцентом на формальной, абстрактной (математической) теории отдает должное Фридману, чья ориентированная на эмпирику экономическая теория, направленная на решение практических проблем, оказала значительное влияние на научный подход самого Мэйера (Mayer (1993)). См. также Hoover, Sheffrin (1995).

²⁰ Опыт пребывания Гарри Джонсона в Кембриджском университете в течение 1950-х гг. практически не оставляет сомнений в том, что кейнсианцы в этот период проявляли «преднамеренное пренебрежение работами конкурирующих экономистов, занимающихся своим предметом в других странах». Такова была «интеллектуальная нищета английских экономистов», пребывавших «в тени Кейнса». (См. Johnson, Johnson (1978).)

7. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Некоторые экономисты, а возможно, и большинство, сказали бы, что фундаментальное различие между монетаристами и кейнсианцами состоит не столько в соответствующих взглядах на влияние предложения денег, сколько во взглядах на уравнивающие силы рыночного механизма. В то время как монетаристы верят в уравнивающие тенденции рыночных сил, кейнсианцы утверждают, что существуют значительные провалы рынка, требующие определенного рода активного вмешательства на макроуровне. Согласны ли Вы с такой точкой зрения?

Я не согласен с такой точкой зрения. Существуют монетаристы разного рода, некоторые из которых акцентируют внимание на провалах, а некоторые – нет. Все экономисты – монетаристы, кейнсианцы и те, кто не относит себя ни к тем, ни к другим, – признают, что существует такое явление, как провал рынка. Я полагаю, что в действительности различие между экономистами заключается не в том, признают ли они наличие провалов рынка, а в том, какое значение они придадут провалам государства, в особенности, когда оно стремится исправить то, что считается провалами рынка. Это различие, в свою очередь, связано с перспективой во времени, которую экономисты допускают в отношении различных проблем. Что касается меня, я не думаю, что в большей степени верю в уравнивающие тенденции рыночных сил, чем большинство кейнсианцев. Но я в гораздо меньшей степени, чем большинство экономистов, будь они кейнсианцами или монетаристами, верю в способность государства устранить провал рынка без ухудшения ситуации в экономике.

Вы утверждали, что большинство разногласий связано не с основными целями экономической политики, а скорее с выбором подходящих инструментов для достижения этих целей (Friedman (1968)). В свете Вашей работы по анализу функции потребления и экономической теории денег в целом, какую роль в макроэкономическом контексте Вы отводите фискальной политике?

Никакую. Я полагаю, что фискальная политика принесет наибольшую пользу, если с ее помощью не станут предприниматься попытки погасить краткосрочные колебания в экономике. Я выражаю здесь мнение меньшинства, но я убежден в том, что фискальная политика не является эффективным инструментом контроля краткосрочных экономических колебаний. Одним из моих занятий на протяжении многих лет является выявление случаев, когда фискальная политика идет в одном направлении, а монетарная политика – в противоположном. И всякий раз события начинали реально развиваться вслед за монетарной политикой. Я ни разу не столкнулся с ситуацией, когда фискальная политика доминировала над монетарной, и я предлагаю вам для проверки найти противоположный пример. Существуют два возможных объяснения этого факта. Одно, которое я на самом деле считаю правильным, состоит в том, что кейнсианская точка зрения о стимулирующем воздействии на эконо-

мику дефицита государственного бюджета попросту неверна. Дефицит не оказывает стимулирующего воздействия, поскольку его необходимо финансировать, и негативные эффекты его финансирования перевешивают положительные эффекты (если они вообще имеют место) расходов. Есть и другое объяснение, состоящее в том, что фискальную политику намного труднее быстро скорректировать в краткосрочном периоде, чем монетарную политику. Так что в действительности я думаю, что в краткосрочном периоде фискальная политика не должна играть никакой роли. Однако ей принадлежит значительная роль с точки зрения долгосрочного распределения ресурсов между различными вариантами использования, и этот аргумент действительно должен иметь место²¹.

Означает ли это, что даже в ситуации 1930-х гг. Вы не рекомендовали бы проводить экспансионистскую фискальную политику?

Доминирующее положение тогда занимала не фискальная, а монетарная политика²². С помощью фискальной политики вы никак не смогли бы компенсировать сокращение количества денег на одну треть. Позвольте мне предложить вам современный пример. Возьмем сегодняшнюю Японию. Японцы напрасно тратят время и деньги в попытках проведения экспансионистской фискальной политики без экспансионистской монетарной политики. Я немного преувеличиваю, поскольку в последний год или около того, главным образом после назначения нового главы Банка Японии, они начали проводить экспансионистскую монетарную политику. Я полагаю, что Япония достигнет значительных успехов, в экономике начнется подъем. Это очень интересное явление, поскольку поведение японского центрального банка в последние пять лет повторяет поведение Федеральной резервной системы после 1929 г.

С начала 1980-х гг. отличительной чертой экономики европейских стран является устойчиво высокая безработица. Было предложено множество объясне-

²¹ Подобной точки зрения придерживаются и некоторые новые кейнсианцы. См. ответ Мэнкью в Snowdon, Vane (1995), 59.

²² Кристина Ромер приводит убедительные эмпирические доказательства в пользу того, что непосредственной причиной восстановления экономики в США после 1933 г. явилась монетарная экспансия, тогда как фискальная политика «сыграла незначительную роль в стимулировании восстановления» (Romer (1992; 1993)). В отношении спада 1937–1938 гг. Дэвид и Кристина Ромер утверждают, что фискальная политика была дефляционной и достаточно жесткой, но они не думают, что значительное сокращение выпуска в 1938 г. произошло благодаря фискальным мерам (Romer, Romer (1989); Romer (1992)). В противоположность этому, Сандиландс утверждает, что сокращение денежной массы в апреле и декабре 1937 г. и с апреля по июль 1938 г. «усугубило» экономический спад, но полагает, что «очень сложно согласиться с утверждением Фридмана и Шварц о том, что монетарная политика была *основной* причиной рецессии» (Sandilands (1990), 89). Сандиландс соглашается с Лочлином Карри, объясняющим спад фискальными причинами на основании резкого сокращения ежемесячных чистых государственных расходов (Sandilands (1990), 87–92).

ний, включая гипотезу гистерезиса. Чем Вы объясняете такую устойчивую безработицу?

Я полагаю, что она является следствием существования государства всеобщего благосостояния и негибкости, присущей этой системе. Я только что прочитал очень интересный рабочий документ Федерального резервного банка Чикаго, подготовленный совместно Ларсом Лjungkvistом и Томом Сарджентом (Ljungqvist, Sargent (1995)). Я согласен с их выводом. В начале работы приводится одно очевидное объяснение – это государство всеобщего благосостояния и изменение стимулов людей. Но в таком случае возникает банальный вопрос: почему тогда это не оказывало такого же влияния на уровень безработицы ранее? Объяснение авторов заключается в том, что предыдущий период был периодом стабильности, когда не было необходимости в быстрых и экстенсивных динамических приспособлениях к изменениям экономических условий. Но в последние десять или двадцать лет, в период технологической и политической революции, возникла необходимость в осуществлении значительных изменений, а экономическая система европейских стран является негибкой. Она хороша, если все идет гладко, но такая система не позволяет приспособливаться к значительным динамическим изменениям. Мне кажется, что в этом заключен большой смысл. Вы можете спросить, почему тогда с такой проблемой не столкнулись Соединенные Штаты? Я не уверен, что мой сегодняшний ответ останется верным и в будущем, поскольку мы двигались в том же направлении, хотя и не зашли так далеко. Мы имеем намного более гибкую систему заработной платы. Уволить людей намного проще, хотя становится все труднее и труднее их нанять. У работодателей все меньше и меньше стимулов нанимать людей вследствие процедур подтверждения и прочих правил регулирования. Но мы по-прежнему находимся в лучшем положении, чем европейские страны²³.

В другой, очень значительной работе, опубликованной в 1953 г. (Friedman (1953b)), спустя лишь девять лет после создания Бреттон-Вудской системы фиксированных обменных курсов, Вы высказались в пользу плавающих обменных курсов. В свете опыта, накопленного после крушения этой системы в начале 1970-х гг., как Вы относитесь к проблеме изменчивости, или нестабильности, которой придают большое значение противники плавающих обменных курсов?

Изменчивость была намного большей, чем я ожидал. В отношении этого у меня нет никаких сомнений, но здесь есть два момента. Во-первых, причина высокой изменчивости заключалась в очень непостоянных силах, действующих на международном рынке. И это, на мой взгляд, вытекает из того факта, что начиная с 1971 г. в мире существовала денежная система, не имеющая ана-

²³ Острую дискуссию о том, какие уроки может извлечь Великобритания из опыта существования безработицы в США см. в Pencavel (1994).

логов. Впервые в мировой истории ни одна ведущая или второстепенная валюта не была привязана к какому-либо товару, хотя бы косвенно. Начнем с того, что все совершали плавание в неисследованном море, и в этом неисследованном море некоторые пошли одним путем, а некоторые – другим. Так что мы получили намного большую, чем обычно, изменчивость темпов инфляции в различных странах, что и привело к большей изменчивости обменных курсов. Во-вторых, изменчивость обменных курсов была благом. Если бы вы попытались поддержать фиксированные обменные курсы в тех условиях, то это потребовало бы введения значительных ограничений свободы торговли между различными странами. Так что, в то время как изменчивость обменных курсов была намного больше, чем я мог бы ожидать, думаю, что это было неизбежной, хотя, возможно, и чрезмерной реакцией на происходящее. Но если взглянуть на события того времени, это не имело каких-либо серьезных негативных последствий. Я не сомневаюсь, что любая корректировка обменного курса всегда заходит слишком далеко. Если необходимо большое изменение, оно будет слишком большим, и затем все снова вернется на свои места из-за влияния (а) ожиданий и (б) спекулятивных операций. Но я не верю, что вы могли бы привести какие-либо примеры дестабилизирующих спекуляций. Спекулянты в целом выполняли позитивную функцию. Европейский механизм обменных курсов в своей основе был нестабильным, и поскольку спекулянты разрушили его в сентябре 1992 г., то есть раньше, чем это произошло бы иным путем, это сыграло положительную роль. Великобритания допустила большую ошибку, привязав свою валюту к этому механизму обменных курсов, ей вообще не следовало делать этого, и она дорого за это заплатила²⁴.

Насколько, на Ваш взгляд, желательно введение в Европе единой валюты?

Желательность и возможность – это разные вещи. Я полагаю, что это сделать невозможно, я неоднократно и повсюду об этом говорил. Мне кажется, что необходимо различать единую валюту и валюты, связанные с помощью фиксированного обменного курса. Единую валюту можно иметь лишь в том случае, если существует только один центральный банк, одно средоточие власти. Я не верю, что вы будете готовы закрыть Банк Англии, что Франция будет готова закрыть Банк Франции и т. д. Так что, на мой взгляд, вначале должно произойти политическое объединение. Сколько раз мы будем сталкиваться с одним и тем же явлением? После войны существовала Бреттон-Вудская система, и она потерпела крушение; в 1970-х гг. потерпела крушение валютная «змея» и т. д. Сколько раз мы должны повторять этот опыт, прежде чем пой-

²⁴ На переднем плане академической критики присоединения Великобритании к Европейскому механизму обменных курсов в октябре 1990 г. были Алан Уолтерс и Патрик Минфорд, оба убежденные сторонники монетаризма. В своем письме в газету «Times» (7 января 1992 г.) ведущие монетаристы Великобритании утверждали, что основным препятствием гибкой монетарной политики было членство Великобритании в Европейском механизме обменных курсов и что лучше всего было бы от него отказаться.

мом, что фиксация обменных курсов независимых стран может стать реальной проблемой? XIX век, на который всегда ссылаются, отличается от современного периода в одном очень простом отношении. Государственные расходы ведущих стран в период до 1913 г. составляли около 10% национального дохода. Система, которая могла функционировать в условиях, когда правительства тратят 10% национального дохода, не может функционировать, когда правительства тратят 50% национального дохода. В некотором смысле единая валюта желательна, но стоит ли утверждать, что желательным является нечто недостижимое?

Это интересно, что Вы утверждаете, будто созданию экономического союза должно предшествовать политическое объединение. Многие скептики в Великобритании полагают, что монетарный союз будет использоваться в качестве способа движения к политическому союзу.

Я в этом не сомневаюсь. Я не сомневаюсь в том, что немцы и французы пытаются это сделать, но я не верю, что у них что-нибудь получится.

Макроэкономика – не лабораторная наука, мы учимся на фактах. Чему нас научили «так называемые» монетаристские эксперименты в США и Великобритании начала 1980-х гг.?

Следует разграничивать две разные вещи. Так называемый монетаристский эксперимент имел место в 1979 г., когда Волкер объявил, что собирается использовать в качестве ориентира монетарной политики количество денег, а не процентную ставку. Но он не сделал этого! Если вы посмотрите на денежные агрегаты, они были более изменчивыми в период Волкера, чем когда-либо ранее. Так что он не следовал монетаристскому курсу²⁵. С другой стороны, если отбросить пертурбации и посмотреть на общее направление изменений за период с 1980 по 1995 гг. в любой стране мира, то темпы роста совокупной денежной массы снижались, а вместе с ними снижалась и инфляция. Я думаю, что эксперимент во всех странах мира в значительной степени явился доказательством утверждения о том, что инфляция – это денежный феномен.

Почему государство вызывает инфляцию?

Оно вызывает инфляцию, чтобы получить с ее помощью доход, и причина сводится не к тому, что государство стало более благородным. Дело в том, что таким способом получить большой доход вообще невозможно. В 1985 г. я выступил в Банке Японии с речью, на которой основана последняя глава моей книги «Вред денег» (Friedman (1992)). Я назвал ее «Монетарная политика в

²⁵ Более подробное описание этого «эксперимента» см. в Friedman (1984). Немонетаристское критическое исследование экономической политики за этот период см. в Blinder (1987); Friedman, B. (1988).

мире бумажных денег». Цитирую: «Инфляция как предмет политического выбора стала менее привлекательной. Учитывая, что избиратели очень чувствительны к инфляции, политически выгодно проводить такие мероприятия монетарной политики, которые сделают нынешний неконвертируемый бумажный стандарт исключением из общего правила Фишера». В книге «Покупательная способность денег» (Fischer (1911)) Фишер пишет, что любая попытка создания бумажного денежного стандарта является катастрофой. Каким образом государство получает деньги от инфляции? Прежде всего, благодаря непосредственной ценности расширенной денежной базы*. Это очень ограниченный источник. Намного более важное значение имеют два других источника. Один из них состоит в том, что если в налоговой системе используются номинальные величины, то инфляция ведет к росту налоговых ставок, и для этого не требуется голосовать за повышение налогов. Второй заключается в том, что если вы смогли выпустить государственные ценные бумаги по процентной ставке, более низкой, чем темп инфляции, вы можете их экспроприировать. Экспроприация прежней задолженности плюс автоматическое увеличение налогов, безусловно, были основными источниками дохода от инфляции 1970-х гг. в Соединенных Штатах. В этом нет никакого сомнения. Я вспоминаю завтрак по какому-то случаю с сенатором Лонгом из штата Луизиана, который входил в состав Финансового комитета. Он сказал: вы знаете, мы никогда не смогли бы утвердить такие ставки налогов на нынешние доходы, если бы не их автоматическое повышение вследствие инфляции. Это было бы политически невозможно. Корректировка налоговых ставок с учетом инфляции, индексирование налоговых ставок устранили один из источников дохода. Благодаря тому, что рынки облигаций стали настолько более чувствительными к инфляции, был ликвидирован второй источник. Сколько дохода теперь можно получить на инфляции? Вызывать инфляцию не имеет смысла. Если вы столкнетесь с инфляцией в будущем, я вам предсказываю, что она будет лишь попыткой достижения полной занятости, а не способом увеличения дохода. Вот почему я полностью уверен в том, что вы не планируете в будущем иметь высокую инфляцию²⁶.

Не думаете ли Вы, что можно достичь дефляции вообще без значительных издержек, выражающихся в падении реального производства и росте безработицы?

Я в этом очень сомневаюсь. Вы не пожелаете допустить инфляцию именно потому, что остановить ее настолько трудно.

* Речь идет о сеньораже – доходе, который государство получает благодаря своей монополии на эмиссию денег. Сеньораж образуется благодаря разнице между издержками на печатание денег, обычно весьма незначительными, и реальной ценностью денег, обусловленной их покупательной способностью. – *Прим. ред.*

²⁶ Блестящее обсуждение различных мотивов вызвать инфляцию см. в работе Кукермана, который присоединяется к предыдущей работе по моделям стратегической монетарной политики (Cukierman (1992)).

8. ЛИЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Какое значение лично Вы придаете присуждению Нобелевской премии по экономике?

Совершенно очевидно, что это весьма почетная награда. Но когда на стоянке для автомобилей в Детройте я впервые узнал о своем награждении от репортера, который сунул микрофон мне в лицо и спросил, рассматриваю ли я это как вершину своей карьеры, я ответил: «Я больше беспокоюсь о том, что будут думать через 50 лет о моей работе потомки, чем о мнении семи человек из Швеции, которые случайно оказались работниками Нобелевского комитета». Это не означает, что я хочу очернить Нобелевский комитет. Они в целом очень добросовестно и хорошо делают свою работу, но в то же время то, что действительно имеет значение для ученого, – это долгосрочные результаты его научной работы²⁷.

Вы опубликовали огромное количество книг и реферируемых статей.

Я не знаю, каково оно. Да, оно велико.

Как Вы нашли время написать так много, и отразилось ли это на Вашей семье и общественной жизни?

(Смех) Нет. Большую часть нашей совместной жизни с женой и в особенности первое время нашего пребывания в Чикаго мы обычно проводили три полных месяца в деревне в нашем втором доме, вначале в Нью-Гемпшире, а позднее в Вермонте. Впоследствии я делил мое время в пропорции 50 на 50: мы проводили шесть месяцев в году в Чикаго и шесть месяцев в Вермонте. Почти все мои работы были написаны в Вермонте или Нью-Гемпшире и лишь немногие из них – во время текущего учебного года. Мне в значительной степени удавалось ограничивать общественную деятельность. Я не уезжал из Вермонта или Нью-Гемпшира, чтобы выступить с речью или обращением на заседаниях комитета или слушаниях. Были редкие исключения, но в большинстве случаев я сделал это абсолютным правилом. Когда я заглядываю в ежедневники, сохранившиеся у меня с того времени, я поражаюсь, как исписаны страницы в период моего пребывания в Чикаго и насколько они чисты, когда я был в Вермонте или Нью-Гемпшире (смех). Так что, это единственная причина, по которой я смог написать настолько много.

²⁷ К настоящему времени Нобелевскую премию по экономике получили уже восемь экономистов из Чикагского университета: Милтон Фридман (1976), Теодор Шульц (1980), Джордж Стиглер (1982), Мертон Миллер (1990), Рональд Коуз (1991), Гэри Беккер (1992), Роберт Фогель (1993) и Роберт Лукас (1995). (В 2000 г. к этой компании присоединился Джеймс Хекман. – Прим. пер.)

Не находите ли Вы нелепым, что многие из Ваших взглядов, которые были предметом острых дискуссий и возражений, в настоящее время признаны неотъемлемой частью основного направления ортодоксальной макроэкономики?

Я считаю это весьма приятным, но вовсе не нелепым. Почему это должно быть нелепым? Чтобы новые идеи были приняты, за них необходимо бороться. Если вы выступаете против общепринятой точки зрения, реакцию со стороны ваших критиков предсказать несложно. Первая реакция – все это полная ерунда; это настолько большая крайность, что она никак не может быть правдой. Вторая реакция – ну, вы знаете, в этом что-то есть. Третья реакция заключается в том, что ваша точка зрения становится составной частью теории, и ее больше никто и никогда не обсуждает²⁸.

В подобных обстоятельствах нужно ли быть толстокожим и твердо убежденным в своих взглядах?

Я не думаю, что вопрос заключается в толстокожести. Я полагаю, что он заключается в вере в то, что ты делаешь. Убежденность – это сила. Мне никогда не надоедали интеллектуальные атаки, это не было для меня проблемой. У меня всегда были очень хорошие личные отношения с людьми, чьи взгляды отличаются от моих. За очень и очень редкими исключениями, я никогда не имел никаких проблем личного характера. Например, мы являемся очень хорошими друзьями с Полом Самуэльсоном.

Есть ли у Вас нереализованные замыслы?

Нет, не думаю. Моя основная цель сейчас заключается в том, чтобы закончить наши мемуары. Мы работаем над ними слишком долго. В последние полтора года у меня были проблемы со здоровьем, которые замедлили нашу работу над мемуарами.

И последний вопрос. Джон Бартон (Burton (1981)) назвал Вас Адамом Смита XX века. Довольны ли Вы такой характеристикой?

(Смех) Конечно, я очень счастлив получить такую характеристику. Адам Смит, несомненно, был великим родоначальником современной экономической науки. В этом отношении я рассматриваю данную характеристику как большой комплимент. Но я полагаю, что это мнение основано не на моей научной работе, а на общественной деятельности по пропаганде свободного рынка.

²⁸ Будучи студентами, изучавшими экономическую теорию в период монетаристской контрреволюции конца 1960-х – начала 1970-х гг., авторы данной статьи могут подтвердить, что в академических кругах Великобритании были распространены все три приведенные выше реакции.

9. МОНЕТАРИСТСКАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ: УСПЕХ ИЛИ НЕУДАЧА?

Ретроспективно, возможно, наиболее важным и устойчивым результатом монетаристской контрреволюции было склонение значительного числа влиятельных экономистов к принятию идеи о том, что потенциал активной дискреционной фискальной и монетарной политики в стабилизации экономики в лучшем случае является ограниченным. Как видно из интервью и исследований Фридмана, эта проблема широко известна. Почти столетия теоретические и эмпирические основы кейнсианской политики были предметом критики, спровоцированной исследованиями Фридмана. Его публикации по вопросам монетарной и фискальной политики (например, Friedman (1948; 1953a)), функции потребления (Friedman (1957)), теории и истории денег и монетарной политике (например, Friedman (1956; 1963; 1982)), кривой Филлипса (например, Friedman (1968; 1975; 1977)) сыграли значительную роль в разрушении веры экономистов в способность государства достигать желаемых целей, касающихся объема выпуска и занятости, путем использования интервенционистских мер, основанных на активной политике управления спросом.

Истоки монетаристского анализа содержатся в научных трудах более чем двухсотлетней давности, а количественная теория денег остается одной из старейших «выживших» экономических доктрин. Согласно Мэйеру (Mayer (1990)), «переломной датой» для монетаристских идей является 1752 г., в котором было опубликовано эссе Дэвида Юма о денежной экономике (см. Chrystal (1990)). Однако лишь в 1968 г. основные идеи и положения, касающиеся теории денег и монетарной политики, которые в настоящее время у нас ассоциируются с Милтоном Фридманом, были названы Карлом Бруннером «монетаристскими». По случайности, 1968 г. также ознаменовал начало наиболее решающего периода в распространении того, что Фридман (Friedman (1970a)) и Джонсон (Johnson (1971)) относят к монетаристской «контрреволюции». В 1968 г. «зрелая» модель IS-LM (неоклассическо-кейнсианский синтез), дополненная стабильной долгосрочной кривой Филлипса, занимала доминирующее положение в макроэкономике, в чем можно убедиться, открыв любой учебник по экономике того периода²⁹. К 1972 г. прежний консенсус был нарушен. В своей статье 1968 г. «Роль монетарной политики» Фридман сделал то, что Кругман описал как «одно из бесспорных интеллектуальных достижений послевоенной экономической теории» (Krugman (1994))³⁰. Испол-

²⁹ Хороший пример см. в Lindauer (1968).

³⁰ Одновременная разработка Фелпсом кривой Филлипса с учетом ожиданий привлекла меньше внимания, отчасти вследствие своего высоко технического характера, а также по причине того, что цель автора заключалась в анализе оптимального финансового контроля, а также влияния политики регулирования спроса на занятость (Phelps (1967)). Фелпс также использует концепцию равновесного уровня безработицы, которая оказалась значительно менее популярной, чем естественный уровень безработицы Фридмана. Диксон утверждает, что концепция естественного уровня безработицы Фридмана не представляет из себя «ничего нового» и «полностью соответствует классической традиции» (Dixon (1995)).

зуя стандартную неоклассическую модель рынка труда, Фридман продемонстрировал теоретические изъяны, присущие оригинальному кейнсианскому анализу кривой Филлипса. Пренебрегая ролью инфляционных ожиданий, кейнсианцы высказывались в пользу ошибочной идеи о существовании стабильного долгосрочного набора комбинаций инфляция-безработица, из которого могли осуществлять выбор лица, ответственные за принятие решений. Фридман отверг существование такого долгосрочного выбора, выдвинув гипотезу естественного уровня безработицы. Кроме того, он предсказал ускорение инфляции вследствие многократного использования экспансионистской монетарной политики, направленной на достижение слишком оптимистичного целевого уровня занятости. Тот факт, что, несмотря на рост безработицы, инфляция в экономике США и Великобритании в 1970–1971 гг. не снижалась, а также последующий одновременный рост безработицы и инфляции в 1970-х гг. дискредитировали идею о возможности существования постоянного долгосрочного выбора между инфляцией и безработицей. Эти события также подтвердили прогнозы модели Фридмана и опровергли превалировавшие в то время кейнсианские взгляды.

В результате этих событий почти не осталось сомнений в том, что Милтон Фридман стал «наиболее влиятельным макроэкономистом» конца 1960-х – середины 1970-х гг. Теперь уже можно сказать, что 1976 г., когда ему была присуждена Нобелевская премия по экономике, вероятно, стал годом наибольшего влияния Фридмана в академических кругах, даже если монетаризму еще предстояло взойти на политическую арену (и уйти с нее) вслед за инициированной Волкером и Тэтчер дефляцией (см. Blinder (1987); Congdon (1992)). В академических кругах середина-конец 1970-х гг. стали периодом разногласий, вызванных появлением новых классических работ Лукаса и его коллег. Хотя ранняя работа Роберта Лукаса, по-видимому, представляла собой попытку пересмотра монетаристского анализа с точки зрения усиления его строгости, Лэйдлер рассматривает первую фазу формирования новой классической теории (1972–1982) «как иное направление анализа, а не простое развитие монетаризма» (Laidler (1986)). В противоположность новой классической теории, монетаризм не предполагал радикального теоретического разрыва со зрелой моделью неоклассического синтеза и «не требовал какого-либо фундаментального изменения видения экономистами того, как работает экономика» (Laidler (1986), 29).

Если ранние новые классические модели имели монетаристские корни, то возникновение теории реального делового цикла представляет намного более серьезный вызов не только кейнсианской экономической теории в целом, но также и монетаризму Фридмана, и ранним новым классическим моделям Лукаса, которые придают большое значение непредвиденным изменениям денежной массы как основному побудительному механизму, вызывающему колебания агрегированных экономических показателей. В рамках школы реального делового цикла МакКаллум разграничивает два положения – слабую и сильную версию (McCallum (1989)). Слабая версия постулирует, что в качестве причины колебаний агрегированных экономических показателей

более важны технологические шоки, чем изменения денежной массы. Сильная версия предполагает, что изменения денежной массы имеют весьма незначительное, если вообще какое-либо, влияние на реальные переменные. Фридман и другие ведущие макроэкономисты, принадлежащие к основному направлению экономической науки, не принимают ни ту, ни другую версию, но признают, что шоки предложения могут создавать и создают нестабильность. Кроме того, справедливо и то, что в моделях, подчеркивающих значение монетарных импульсов, знание монетарного трансмиссионного механизма является далеко не полным (см. Mishkin et al. (1995)). Фактически, неспособность представителей новой классической экономики дать правдоподобное объяснение ненейтральности денег в рамках анализа равновесия была важной причиной того, почему многие из них, занимающиеся теорией денег (например, Роберт Барро, Финн Кидланд и Эдвард Прескотт), отказались от модели несовершенной информации Лукаса и обратились к разработке альтернативного объяснения феномена делового цикла на основе реальных шоков, воздействующих на производственную функцию.

Сочетание роста влияния теории реального делового цикла и нестабильности функции спроса на деньги в начале 1980-х гг. «тяжело ранило» монетаризм в академических кругах (Blinder (1987)). Однако монетаризм, от которого отказались многие бывшие энтузиасты, – это то, что Модильяни называет монетаризмом с большой буквы (Modigliani (1988)), а Пирс именует «основным ядром» монетаризма (Pierce (1995)). Оценка Мэйера более оптимистична: «...в большинстве своем кажущийся упадок монетаризма не является подлинным упадком; большая часть того, что защищали монетаристы, вошло в стандартную экономическую теорию и больше не называется монетаризмом» (Mauger (1990)).

10. НОВЫЙ КЕЙНСИАНСКО-МОНЕТАРИСТСКИЙ СИНТЕЗ

В декабре 1970 г. Гарри Джонсон в своей лекции в честь Ричарда Эли перед членами Американской экономической ассоциации попытался дать объяснение причинам быстрого распространения кейнсианской революции с тем, чтобы лучше понять монетаристскую контрреволюцию (см. Johnson (1971)). В своем анализе Джонсон в качестве важных причин успеха как кейнсианской революции, так и монетаристской контрреволюции подчеркнул «объективную ситуацию в обществе» и внутренние «особенности науки»³¹. Джонсон также дал два интересных прогноза относительно монетаризма, которые, по видимому, в целом подтвердились. В своем первом прогнозе он утверждал, что монетаристская контрреволюция постепенно «иссякнет», поскольку (1) инфляция является гораздо менее серьезной общественной проблемой, чем массовая безработица; (2) методология, отстаиваемая монетаристами, «вступила в конфликт с долгосрочными тенденциями развития предмета исследо-

³¹ Оценку возможностей использования критерия Джонсона по отношению к новой классической революции см. в Snowdon, Vane (1996).

вания». Несмотря на то что реакция экономистов и политиков на продолжительные периоды высокой безработицы не была столь резкой, как ожидал Джонсон, он был абсолютно прав в своем предвидении того, что внимание нового поколения экономистов будет привлечено к теории общего равновесия. Хотя Фридман (Friedman (1991)) и другие монетаристы (см. Мауер (1993)) крайне критично относились к излишней формализации, связанной с методологическими предпочтениями новых классических теоретиков и представителей теории реального делового цикла, влияние теории общего равновесия на развитие количественных методов анализа современной макроэкономики в послевоенный период в целом не подлежит сомнению (см. Hoover (1984; 1995)). Согласно Хаммонду маршаллианская методология Фридмана в сочетании с его склонностью придавать значение наблюдениям и измерениям (как в Национальном бюро экономических исследований) означали, что работа, написанная совместно с Анной Шварц в послевоенный период, все чаще рассматривалась как «радикально неортодоксальная» (Hammond (1996)). В своей работе они отказались от преобладавшего тогда подхода Комиссии Коулза с акцентом на формальном объединении неовальрасовской экономической теории с современной эконометрикой, базирующейся на теории вероятностей (см. Morgan (1990)). Парадоксально, что, в то время как Фридман находит аргументы и методологические предпочтения теоретиков реального делового цикла неубедительными, значение, придаваемое современными новыми классиками наблюдению и фиксации «стилизованных фактов» деловых циклов, имеет много общего с индуктивной эмпирической методологией Уэсли Митчелла, работавшего в Национальном бюро экономических исследований (см. Simkins (1996)). И, как четко показывает анализ Хаммонда (Hammond (1996)), работа Фридмана на протяжении всей научной карьеры несет на себе отпечаток «особенностей анализа его коллег из Национального бюро».

Второй прогноз Джонсона заключался в том, что монетаризму «неизбежно придется найти компромисс с кейнсианской оппозицией... и добиться синтеза между революцией и контрреволюцией». Этот прогноз оказался весьма проницательным, особенно, если учесть, что он был сделан на пике конфронтации Фридмана с его противниками. В ответ на критику Джонсона Фридман предложил свои «Теоретические рамки» (1970b) и, ради большей тщательности анализа, приоткрыв монетаристский «черный ящик», продемонстрировал обобщенную модель IS-LM, которая помогла встроить монетаристский подход в основное направление экономической теории (см. Hammond (1996), 124–65). К 1972 г. стало ясно, что разногласия между кейнсианцами и монетаристами лежали в плоскости эмпирических, а не теоретических проблем. После 1970 г. слабые результаты кейнсианских моделей цен и заработной платы настоятельно потребовали от представителей основного направления макроэкономики их модификации с учетом влияния инфляционных ожиданий и шоков предложения. Последнее явление оказалось неожиданностью для представителей всех направлений экономической мысли, и оно было в равной степени вызовом для Фридмана и Лукаса, как и для Тобина. К середи-

не 1970-х гг. с появлением работ таких экономистов, как Эдмунд Фелпс, Роберт Гордон и Алан Блиндер, модели основного направления были модифицированы, что сыграло особенно важную роль в эволюции зрелой модели неоклассического синтеза по пути, который позволил бы включить монетаристские положения и анализ влияния шоков предложения в рамки существующего подхода³². С такой интерпретацией событий согласны многие ведущие кейнсианцы (см. Blinder (1987)) и монетаристы (см. Laidler (1986)). То, что традиционная кейнсианская теория неоклассического синтеза весьма отличается от нынешних кейнсианских моделей, является свидетельством успеха Фридмана, выигравшего важную часть спора. Новые кейнсианцы взяли на вооружение подход Фридмана, отвергая идею о нейтральности денег в краткосрочном периоде, в то время как два известных макроэкономиста, отдав должное методам и взглядам Фридмана и Шварц (Friedman, Schwartz (1963)), издали ряд полемических работ, в которых использовали их описательный подход в качестве метода исследования реальных эффектов монетарных шоков (см. Romer, Romer (1989); (1994a); (1994b))³³.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то что в академических кругах монетаризм утратил свое влияние, которым он обладал в конце 1960-х – начале 1970-х гг., большей частью этот очевидный упадок можно объяснить тем фактом, что основное направление макроэкономической теории впитало в себя положения монетаризма с маленькой буквы. В настоящее время дополненная ожиданиями кривая Филлипса является стандартной частью кейнсианско-монетаристского синтеза, несмотря на то что современные теории гистерезиса, направленные на объяснение причин существования безработицы, ставят под сомнение гипотезу о естественном уровне безработицы Фридмана, которая отрицает значение факторов совокупного спроса в воздействии на равновесный уровень безработицы (см. Cross (1995)). Огромную роль сыграли многочисленные работы Фридмана, которые напоминали экономистам о том, что их знание о механизмах функционирования экономики является ограниченным. По мнению Фридмана, требуя большего, чем может быть произведено, экономисты слишком

³² Обсуждение этих и других вопросов, связанных с развитием современной макроэкономики, см. в Snowdon, Vane, and Wynarczyk (1994).

³³ Критикуя сложные формальные эконометрические методы, Саммерс утверждает, что тщательное рассмотрение определенных событий на основе исторических фактов (примером которого является описательный подход, использовавшийся Фридманом и Шварц (Friedman, Schwartz (1963))) оказалось значительно более успешным в убеждении экономистов в значении монетарных факторов по сравнению с более сложными эконометрическими методами (Summers (1991)). Сами Фридман и Шварц отдают предпочтение скорее эклектичному подходу к анализу данных, чем использованию исключительно эконометрических методов. См. также работу Гувера и Переза, которые, признавая важность описательного подхода, подвергли методологию Ромера всесторонней критике (Hoover, Perez (1994)).

часто побуждали широкие массы к «ожиданиям результатов, которые мы как экономисты не знаем, как достичь» (Friedman (1972)). Это был урок, который самим монетаристам пришлось усвоить в период «великого сокращения скорости обращения денег» в 1979–1982 гг., когда стабильную функцию спроса на деньги постигла та же участь, что и стабильную кривую Филлипса (см. Laidler (1985)). В результате, у «основного ядра» монетаризма с большой буквы, преданного идее Фридмана о жестком правиле роста денежной массы, осталось мало сторонников. Более того, современные кейнсианцы, осознавая политические, экономические и информационные ограничения, с которыми сталкиваются ответственные за принятие решений лица, также признают, что на практике возможности регулярного использования фискальной политики с целью стабилизации экономики являются очень ограниченными.

Изменение позиций, произошедшее в последние годы как в монетаристском, так и в кейнсианском лагере и приведшее к новому синтезу, кратко резюмировал Бруннер, отметив, что большинство монетаристов в настоящее время занимают эклектичную позицию, признавая, что колебания на уровне агрегированных величин могут иметь как денежные, так и реальные (спрос и/или предложение) источники (Brunner (1989)). Однако какими бы ни были споры о причинах колебания агрегированных величин, Фридман, несомненно, победил в одном важном споре о детерминантах устойчивой инфляции. Подавляющее большинство экономистов и центральных банков при объяснении инфляции в долгосрочном периоде и борьбе с ней придают решающее значение темпу роста предложения денег. Это по-прежнему позволяет представителям основного направления макроэкономической теории приписывать временные всплески инфляции таким не связанным с предложением денег причинам, как шоки предложения.

Несмотря на то что взгляды Фридмана по-прежнему вызывают много споров, в особенности те из них, которые отстаивают необходимость ограниченного государственного вмешательства и преимущества широкого распространения рыночных сил, мы согласимся с оценкой вклада монетаристов-последователей Фридмана, которую дал Роберт Скидельски, утверждавший, что «монетаристская контрреволюция стала призывом к ограничению роли государства и усилению веры в стихийные рыночные силы» (Skidelsky (1996)). Исходя из этого критерия, монетаристская контрреволюция, несомненно, достигла одной из своих основных целей.

ЛИТЕРАТУРА

Blaug, M. (1994) Not Only an Economist – Autobiographical Reflections of a Historian of Economic Thought, *American Economist*, 38, 12–27.

Blinder, A.S. (1987) *Hard Heads, Soft Hearts: Tough-Minded Economics for a Just Society*, New York, Addison-Wesley.

Brunner, K. (1968) The Role of Money and Monetary Policy, *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 50, 7, 9–24.

Brunner, K. (1989) The Disarray in Macroeconomics, F. Capie, G. Wood (eds.), *Monetary Economics in the 1980s*, London, Macmillan, 197–233.

Burton, J. Positively Milton Friedman, J.R. Shackleton, G. Locksley (eds.), *Twelve Contemporary Economists*, London, Macmillan, 53–71.

Butler, E. (1985) *Milton Friedman: A Guide to His Economic Thought*, Aldershot, Gower.

Cagan, P. (1956) The Monetary Dynamics of Hyperinflation, M. Friedman (ed.), *Studies in the Quantity Theory of Money*, Chicago, University of Chicago Press, 25–117.

Chrystal, K.A. (ed.) (1990) *Monetarism*, Vol. 1, Aldershot, Edward Elgar.

Colander, D.C., Landreth, H. (eds.) (1996) *The Coming of Keynesianism to America*, Cheltenham and Brookfield, Edward Elgar.

Congdon, T. (1992) *Reflections on Monetarism: Britain's Vain Search for a Successful Economic Strategy*, Aldershot, Edward Elgar.

Cross, R. (ed.) (1995) *The Natural Rate of Unemployment: Reflections on 25 Years of the Hypothesis*, Cambridge, Cambridge University Press.

Cukierman, A. (1992) *Central Bank Strategy, Credibility, and Independence: Theory and Evidence*, Cambridge, MIT Press.

Currie, L.B. (1972) The Keynesian Revolution and its Pioneers: Discussion, *American Economic Review*, 62, 2, 139–141.

Dixon, H. (1995) Of Coconuts, Decomposition, and a Jackass: The Genealogy of the Natural Rate, R. Cross (ed.), *The Natural Rate of Unemployment: Reflections on 25 Years of the Hypothesis*, Cambridge, Cambridge University Press, 57–74.

Fischer, S. (1994) Interview with Stanley Fischer, Snowdon, B., Vane, H.R., and Wynarczyk, P., *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought*, Aldershot and Brookfield, Edward Elgar, 33–41.

Fischer, S., Frenkel, J. (1992) Macroeconomic Issues of Soviet Reform, *American Economic Review*, 82, 2, 37–48.

Fisher, I. (1911) *The Purchasing Power of Money*, New York, Macmillan.

Friedman, B.M. (1988) Lessons on Monetary Policy from the 1980s, *Journal of Economic Perspectives*, 2, 3, 51–72.

Friedman, M. (1948) A Monetary and Fiscal Framework for Economic Stability, *American Economic Review*, 38, 245–264. (Рус. пер. – Фридман М. (2002) Денежная и фискальная политика по обеспечению экономической стабильности, Фридман М., *Основы монетаризма*, Москва, ТЕИС, 151–175. – Здесь и далее – прим. пер.)

Friedman, M. (1953a) The Methodology of Positive Economics, Friedman, M., *Essays in Positive Economics*, Chicago, University of Chicago Press, 3–43. (Рус. пер. – Фридмен М. (1994) Методология позитивной экономической науки, *THESIS*, 2, 4, 20–52.)

Friedman, M. (1953b) The Case for Flexible Exchange Rates, Friedman, M., *Essays in Positive Economics*, Chicago, University of Chicago Press, 157–187.

Friedman, M. (1953c) The Effects of a Full-Employment Policy on Economic Stability: A Formal Analysis, Friedman, M., *Essays in Positive Economics*, Chicago, University of Chicago Press, 117–132.

Friedman, M. (1956) The Quantity Theory of Money – A Restatement, M. Friedman (ed.), *Studies in the Quantity Theory of Money*, Chicago, University of Chicago Press, 3–21. (Рус. пер. – Фридмен М. (2002) Количественная теория денег: новая формулировка, Фридмен М., *Если бы деньги заговорили...*, Москва, Дело, 22–43.)

Friedman, M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*, Princeton, Princeton University Press.

Friedman, M. (1968) The Role of Monetary Policy, *American Economic Review*, 58, 1, 1–17. (Рус. пер. – Фридмен М. (2002) Роль монетарной политики, Фридмен М., *Если бы деньги заговорили...*, Москва, Дело, 126–146.)

- Friedman, M. (1969) *The Optimum Quantity of Money and Other Essays*, Chicago, Aldine.
- Friedman, M. (1970a) *The Counter-Revolution in Monetary Theory*, IEA Occasional Paper, 33.
- Friedman, M. (1970b) A Theoretical Framework for Monetary Analysis, *Journal of Political Economy*, 78, 193–238.
- Friedman, M. (1972) Have Monetary Policies Failed? *American Economic Review*, 62, 11–18.
- Friedman, M. (1975) *Unemployment versus Inflation? An Evaluation of the Phillips Curve*, IEA Occasional Paper, 44.
- Friedman, M. (1977) Nobel Lecture: Inflation and Unemployment, *Journal of Political Economy*, 85, 3, 451–472.
- Friedman, M. (1983) *Bright Promises, Dismal Performance: An Economist's Protest*, New York, Harcourt Brace Jovanovich.
- Friedman, M. (1984) Lessons from the 1979–82 Monetary Policy Experiment, *American Economic Review*, 74, 2, 382–387.
- Friedman, M. (1991) Old Wine in New Bottles, *Economic Journal*, 101, 33–40.
- Friedman, M. (1992) *Money Mischief: Episodes in Monetary History*, New York, Harcourt Brace Jovanovich.
- Friedman, M. (1993) The «Plucking Model» of Business Fluctuations Revisited, *Economic Inquiry*, 31, 171–177.
- Friedman, M. (1994) Interview with Milton Friedman, Snowdon, B., Vane, H.R., Wynarczyk, P., *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought*, Aldershot and Brookfield, Edward Elgar, 172–178.
- Friedman, M., Friedman, R. (1962) *Capitalism and Freedom*, Chicago, University of Chicago Press.
- Friedman, M., Friedman, R. (1980) *Free to Choose*, New York, Harcourt Brace Jovanovich.
- Friedman, M., Schwartz, A.J. (1963) *A Monetary History of the United States, 1867–1960*, Princeton, Princeton University Press.
- Friedman, M., Schwartz, A.J. (1982) *Monetary Trends in the United States and the United Kingdom: Their Relation to Income, Prices and Interest Rates, 1867–1975*, Chicago, University of Chicago Press.
- Friedman, M., Schwartz, A.J. (1991) Alternative Approaches to Analysing Economic Data, *American Economic Review*, 81, 1, 39–49.
- Gordon, R.J. (1981) Output Fluctuations and Gradual Price Adjustment, *Journal of Economic Literature*, 19, 493–530.
- Groenewegen, P. (1995) *A Soaring Eagle: Alfred Marshall, 1842–1924*, Brookfield, Edward Elgar.
- Hammond, J.D. (1996) *Theory and Measurement: Causality Issues in Milton Friedman's Monetary Economics*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Hansen, A.H. (1953) *A Guide to Keynes*, New York, McGraw-Hill.
- Hoover, K.D. (1984) Two Types of Monetarism, *Journal of Economic Literature*, 22, 1, 58–76.
- Hoover, K.D. (1995) Facts and Artifacts: Calibration and the Empirical Assessment of Real Business Cycle Models, *Oxford Economic Papers*, 47, 24–44.
- Hoover, K.D., Perez, S.J. (1994) *Post hoc ergo propter* Once More: An Evaluation of «Does Monetary Policy Matter?» in the Spirit of James Tobin, *Journal of Monetary Economics*, 34, 47–73.

- Hoover, K.D., Sheffrin, S.M. (eds.) (1995) *Monetarism and the Methodology of Economics: Essays in Honour of Thomas Mayer*, Brookfield, Edward Elgar.
- Johnson, E.S., Johnson, H.G. (1978) *The Shadow of Keynes*, Oxford, Basil Blackwell.
- Johnson, H.G. (1971) The Keynesian Revolution and the Monetarist Counter-Revolution, *American Economic Review*, 61, 1–14.
- Keuzenkamp, H.A. (1991) A Precursor to Muth: Tinbergen's 1932 Model of Rational Expectations, *Economic Journal*, 101, 1245–1253.
- Keynes, J.M. (1919) *The Economic Consequences of the Peace*, London, Macmillan. (Рус. пер. – Кейнс Дж.М. (1921) *Экономические последствия версальского мирного договора*, Москва, Государственное издательство.)
- Keynes, J.M. (1921) *A Treatise on Probability*, London, Macmillan.
- Keynes, J.M. (1923) *A Tract on Monetary Reform*, London, Macmillan. (Рус. пер. – Кейнс Дж.М. (1925) *Трактат о денежной реформе*, Москва, Экономическая жизнь.)
- Keynes, J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money*, London, Macmillan. (Рус. пер. – Кейнс Дж.М. (1999) *Общая теория занятости, процента и денег*, Москва, Гелиос.)
- Klamer, A. (1984) *The New Classical Macroeconomics*, Brighton, Wheatsheaf Books.
- Krugman, P. (1994) *Peddling Prosperity*, New York, W.W. Norton.
- Laidler, D.E.W. (1985) Monetary Policy in Britain: Successes and Shortcomings, *Oxford Review of Economic Policy*, 1, 1, 35–43.
- Laidler, D.E.W. (1986) The New Classical Contribution to Macroeconomics, *Banca Nazionale Del Lavoro Quarterly Review*, 27–55.
- Lindauer, J. (1968) *Macroeconomics*, New York, John Wiley.
- Lindbeck, A. (1985) The Prize in Economic Science in Memory of Alfred Nobel, *Journal of Economic Literature*, 23, 1, 37–56.
- Ljungqvist, L., Sargent, T.J. (1995) *The European Unemployment Dilemma*, Federal Reserve Bank of Chicago Working Paper, WP-95-17.
- Lucas, R.E., Jr. (1987) *Models of Business Cycles*, Oxford, Basil Blackwell.
- Lucas, R.E., Jr. (1994a) Interview with Robert Lucas, Snowdon, B., Vane, H.R., and Wynarczyk, P., *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought*, Aldershot and Brookfield, Edward Elgar, 220–226.
- Lucas, R.E., Jr. (1994b) Review of Milton Friedman and Anna J. Schwartz's «A Monetary History of the United States, 1867–1960», *Journal of Monetary Economics*, 34, 1, 5–16.
- McCallum, B.T. (1989) Real Business Cycle Models, R.J. Barro (ed.), *Modern Business Cycle Theory*, Oxford, Basil Blackwell, 16–50.
- Mankiw, N.G., Romer, D. (eds.) (1991) *New Keynesian Economics*, Cambridge, MIT Press.
- Mayer, T. (1990) *Monetarism and Macroeconomic Policy*, Aldershot, Edward Elgar.
- Mayer, T. (1993) *Truth versus Precision in Economics*, Aldershot, Edward Elgar.
- Mehrling, P. (forthcoming) *The Money Interest and the Public Interest: The Development of American Monetary Thought, 1925–1973*, Cambridge, Harvard University Press.
- Miron, J.A. (1994) Empirical Methodology in Macroeconomics: Explaining the Success of Friedman and Schwartz's «A Monetary History of the United States, 1867–1960», *Journal of Monetary Economics*, 34, 1, 17–25.
- Mishkin, F.S. et al. (1995) Symposia: The Monetary Transmission Mechanism, *Journal of Economic Perspectives*, 9, 4, 3–96.
- Modigliani, F. (1988) The Monetarist Controversy Revisited, *Contemporary Policy Issues*, 6, 3–18.

- Morgan, M.S. (1990) *The History of Econometric Ideas*, Cambridge, Cambridge University Press.
- Muth, J.F. (1961) Rational Expectations and the Theory of Price Movements, *Econometrica*, 29, 3, 315–335.
- Parkin, M. (1992) Where Do We Stand? M. Belongia, M. Garfinkel (eds.), *The Business Cycle: Theories and Evidence*, London, Kluwer Academic Publishers, 202–209.
- Patinkin, D. (1956) *Money, Interest, and Prices*, New York, Harper & Row.
- Patinkin, D. (1969) The Chicago Tradition, the Quantity Theory, and Friedman, *Journal of Money, Credit, and Banking*, 1, 1, 46–70.
- Pencavel, J. (1994) British Unemployment: Letter from America, *Economic Journal*, 104, 621–632.
- Phelps, E.S. (1967) Phillips Curves, Expectations of Inflation and Optimal Unemployment over Time, *Economica*, 34, 3, 254–281.
- Pierce, J.L. (1995) Monetarism: The Good, the Bad, and the Ugly, K.D. Hoover, S.M. Sheffrin (eds.), *Monetarism and the Methodology of Economics: Essays in Honour of Thomas Mayer*, Brookfield, Edward Elgar, 27–48.
- Plosser, C.I. (1994) Interview with Charles Plosser, Snowdon, B., Vane, H.R., and Wynarczyk, P., *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought*, Aldershot and Brookfield, Edward Elgar, 280–285.
- Romer, C.D. (1992) What Ended the Great Depression? *Journal of Economic History*, 52, 4, 757–784.
- Romer, C.D. (1993) The Nation in Depression, *Journal of Economic Perspectives*, 7, 2, 19–39.
- Romer, C.D., Romer, D.H. (1989) Does Monetary Policy Matter? A New Test in the Spirit of Friedman and Schwartz, *NBER Macroeconomics Annual*, Cambridge, MIT Press, Vol. 4, 121–170.
- Romer, C.D., Romer, D.H. (1994a) Monetary Policy Matters, *Journal of Monetary Economics*, 34, 75–88.
- Romer, C.D., Romer, D.H. (1994b) What Ends Recessions? *NBER Macroeconomics Annual*, Cambridge, MIT Press, Vol. 9, 13–57.
- Salant, W.S. (1988) The Spread of Keynesian Doctrines and Practices in the United States, O.F. Hamouda, J.N. Smithin (eds.), *Keynes and Public Policy after Fifty Years*, Vol. 1, *Economics and Policy*, Aldershot, Edward Elgar, 61–76.
- Samuelson, P.A. (1948) *Economics*, New York, McGraw-Hill.
- Samuelson, P.A. (1988) In the Beginning, *Challenge*, 31, 32–34.
- Sandilands, R.J. (1990) *The Life and Political Economy of Lauchlin Currie*, Durham, Duke University Press.
- Sargent, T.J. (1982) R.H. Hall (ed.), *Inflation: Causes and Effects*, Chicago, University of Chicago Press, 41–97.
- Simkins, S.P. (1996) The Rebirth of Empiricism in Macroeconomics: Mitchell and the Modern Empiricists, paper presented at the *History of Economics Society Conference*, Vancouver, UBC.
- Skidelsky, R. (1996) *Keynes*, Oxford, Oxford University Press.
- Smith, B.D. (1994) Mischief and Monetary History: Friedman and Schwartz Thirty Years Later, *Journal of Monetary Economics*, 34, 1, 27–45.
- Snowdon, B., Vane, H.R. (1995) New Keynesian Economics Today: The Empire Strikes Back, *American Economist*, 39, 1, 48–65.
- Snowdon, B., Vane, H.R. (1996) The Development of Modern Macroeconomics: Reflections in the Light of Johnson's Analysis after Twenty-Five Years, *Journal of Macroeconomics*, 18, 3, 381–401.

Snowdon, B., Vane, H.R., and Wynarczyk, P. (1994) *A Modern Guide to Macroeconomics: An Introduction to Competing Schools of Thought*, Aldershot and Brookfield, Edward Elgar.

Stone, C.C., Thornton, D.L. (1987) Solving the 1980s Velocity Puzzle: A Progress Report, *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 5–22.

Summers, L.H. (1991) The Scientific Illusion in Empirical Macroeconomics, *Scandinavian Journal of Economics*, 93, 2, 129–148.

Sweezy, A. (1972) The Keynesians and Government Policy, 1933–1939, *American Economic Review*, 62, 2, 116–124.

Thygesen, N. (1977) The Scientific Contributions of Milton Friedman, *Scandinavian Journal of Economics*, 79, 1, 56–98.

Tobin, J. (1995) The Natural Rate as New Classical Economics, R. Cross (ed.), *The Natural Rate of Unemployment: Reflections on 25 Years of the Hypothesis*, Cambridge, Cambridge University Press, 32–42.

Valdes, J.G. (1995) *Pinochet's Economists: The Chicago School in Chile*, Cambridge, Cambridge University Press.

Zahka, W.J. (1992) *The Nobel Prize Economics Lectures: A Cross-Section of Current Thinking*, Brookfield, Ashgate.

Перевод Юрия Валевича